

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Игорь Ермолов

ТРИ ГОДА БЕЗ СТАЛИНА

**ОККУПАЦИЯ: СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ
МЕЖДУ НАЦИСТАМИ И БОЛЬШЕВИКАМИ**

1941—1944

На линии фронта. Правда о войне

Игорь Ермолов

**Три года без Сталина.
Оккупация: советские
граждане между нацистами
и большевиками. 1941-1944**

«Центрполиграф»

Ермолов И. Г.

Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941-1944 / И. Г. Ермолов — «Центрполиграф», — (На линии фронта. Правда о войне)

Книга детально освещает малоизвестную страницу истории Великой Отечественной войны – сотрудничество граждан СССР с нацистами на оккупированных территориях. В своем исследовании кандидат исторических наук Игорь Ермолов, опираясь на обширную базу достоверных источников, доказывает, что нередко оккупанты и советское население сосуществовали мирно и даже взаимовыгодно. Что же толкало советских людей на сотрудничество с врагом? В каких формах оно существовало? Кто и по каким причинам становился коллаборационистом? Имело ли гражданское население возможность участвовать в управлении общественной жизнью, получать образование и медицинскую помощь? Или все вели партизанскую борьбу, и их убивали и мучили гитлеровцы? Ответы на эти вопросы вы найдете в этой книге.

Содержание

Введение	5
Глава 1	12
§ 1. Восточная политика Германии и практика ее воплощения	12
§ 2. Причины и условия формирования коллаборационистских настроений	17
Глава 2	28
§ 1. Самоуправление на оккупированных территориях	28
§ 2. Образование в условиях оккупации	41
§ 3. Здравоохранение и социальное обеспечение	51
§ 4. Обеспечение правопорядка и судебная система	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Игорь Геннадиевич Ермолов

Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками

Введение

Как жили наши соотечественники в период оккупации? Ответ на этот вопрос мы тщетно будем искать в многочисленной литературе, выпущенной в нашей стране в послевоенные годы. Разумеется, в книгах о войне встречаются описания периода оккупации, положения россиян, оставшихся по ту сторону фронта. Но выглядят эти письма по меньшей мере странно. Подчас даже неправдоподобно. Так, всегда принято было считать, что население либо единодушно поддерживало партизанское движение, либо стонало под игом оккупантов, было ими убиваемо, мучимо. Да, прислуживали гитлеровцам немногочисленные предатели – какие-то старосты, полицейские. Однако это были одиночки, чаще из числа пьяниц, лодырей, уголовников...

Почему же на события, связанные с оккупацией, существует столь упрощенный взгляд? Да и сама Вторая мировая война, хотя и окончилась сравнительно недавно, до сих пор остается малоизученным событием отечественной истории. Причина заключается в том, что эта война совпала по времени с апогеем сталинской тирании, в результате многие ее негативные моменты, как в сталинские времена, так и в последующие десятилетия, тщательно скрывались или ретушировались, а позитивные – утрировались. В итоге написанная под идеологическим прессом тоталитарного режима история Второй мировой представляет ряд ее событий не такими, какими они были в действительности, а такими, какими их хотелось бы видеть существовавшему в СССР строю.

Хотя политика нашего государства за последние годы претерпела ряд позитивных изменений, вылившихся в пересмотр официального отношения к ряду событий советского периода, историческая оценка некоторых моментов военных лет фактически не сдвинулась с мертвой точки, в целом оставшись такой, какой она была в сталинские времена. Все, что не вписывалось в прокрустово ложе официальных догм, было принято считать очернительством истории. Идеологический запрет объективно освещать все то, что могло бы поколебать штампы о морально-политическом единстве советского народа в Великой Отечественной войне ^[1], привел к тому, что отечественные авторы на протяжении десятилетий оставляли тему сотрудничества наших сограждан с внешним врагом за рамками исследований. Между тем можно согласиться с немецким историком К. Г. Пфеффером, что «немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам». Следовательно, игнорирование такой важной проблемы, как коллаборационизм, создало брешь в истории Второй мировой войны, в результате некоторые ее страницы были и остаются труднодоступны для понимания и правильного научного осмысления. К таковым можно отнести экономику, инфраструктуру, религиозную жизнь, судебную и правоохранительную системы на оккупированных территориях СССР, особенности оккупационного режима и самоуправления, созданного с ведома оккупантов на временно захваченных территориях, партизанского движения.

Для читателей этой книги будет полной неожиданностью, что советские граждане, оставшиеся за линией фронта, в ряде случаев вели довольно нормальную и сносную жизнь. В част-

ности, сами осуществляли самоуправление своими населенными пунктами, были защищены от уголовников и прочих нарушителей порядка, могли отстаивать свои права в суде. В случае болезни имели возможность обратиться за медицинской помощью, а по выходным – сходить в кино, в театр, в музей. А подрастающее поколение могло продолжать получать не только школьное, но и профессиональное образование. Конечно, права наших сограждан в период оккупации были ограничены, но тем не менее с приходом немецкого солдата жизнь на оккупированных территориях не остановилась. Разумеется, жить под пятой нацистов было невозможно без сотрудничества с ними. И каждый, кто вел какую-то разрешенную германскими властями деятельность, по терминологии сталинского правительства считался «изменником», «немецким прихвостнем», «врагом народа». Между тем в ходе Великой Отечественной войны оккупации подверглись, если не брать Прибалтику, территории пяти союзных республик. Только в РСФСР были полностью или частично оккупированы двенадцать краев и областей. Причем за линией фронта оказалось около 40 % населения Советского Союза. Общее количество населения СССР, вынужденного прожить под гитлеровской оккупацией два, а то и три года, составило не менее 80 млн человек, из них населения РСФСР – около 30 млн человек. В ходе этого среди части населения РСФСР возникло такое явление, как коллаборационизм (от франц. *collaboration* – сотрудничество, совместные действия), под которым следует понимать любую форму добровольного сотрудничества с врагом в ущерб интересам своего государства, проявившуюся в период военных действий. Особое место в ряду известных форм коллаборационизма является его проявление в гражданской сфере.

Гражданский коллаборационизм – термин в исторической науке новый, до сих пор даже не упоминавшийся в специальных работах – отечественные авторы предлагали иную классификацию форм сотрудничества с противником¹. Гражданский же коллаборационизм – термин собирательный. Он представляет собой сотрудничество советских граждан с оккупантами в административной, экономической и идеологической сферах. Сотрудничество наших сограждан с противником в гражданской сфере стало довольно масштабным. Так, если в военных коллаборационистских процессах, то есть вооруженной борьбе против своего правительства, приняло участие, по различным оценкам, от 1 до 1,5 млн советских граждан, то в гражданской сфере с оккупантами сотрудничало около 22 миллионов граждан СССР².

В данной книге к гражданским коллаборационистам периода Великой Отечественной войны отнесены следующие категории советских граждан:

1. Сотрудники органов местного самоуправления, созданных на оккупированных территориях СССР и способствовавших проведению «восточной» политики гитлеровской Германии.
2. Руководители, технический персонал и работники промышленных и торговых предприятий, работа которых была направлена на удовлетворение потребностей как местного населения, так и германской армии.
3. Сотрудники органов полиции, судов и учреждений юстиции, созданных с целью поддержания так называемого нового порядка.
4. Работники сферы обслуживания, здравоохранения и социального обеспечения, образования, культуры, деятельность которых в той или иной мере способствовала осуществлению интересов Германии в занятых областях Советского Союза.
5. Служители религиозных культов, в той или иной мере способствовавшие осуществлению оккупационной политики.

---

¹ Кудряшов С. В. «Предатели», «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 89, 91; Раманичев Н. М. Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 293; Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 11.

² Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945. М., 2004. С. 214.

6. Идеологи, пропагандисты, основатели и участники различных партий и движений антисоветского толка, журналисты, авторы листовок, воззваний, а также иные лица, так или иначе участвовавшие в идеологических мероприятиях, обосновывавших сотрудничество советских граждан с нацистами.

Что касается историографии проблемы, содержащиеся в различных трудах советского периода эпизодические упоминания о сотрудничестве граждан СССР с врагом вовсе не раскрывают данную тему, так как авторы изданий были вынуждены преподносить коллаборационизм не иначе, как в рамках идеологии того времени³. То же можно сказать об анализе всего спектра причин возникновения и развития гражданского коллаборационизма.

В качестве исследователей зачастую выступали не профессиональные историки, а журналисты, военные, юристы, сотрудники органов госбезопасности. В их трудах говорится не столько о коллаборационизме, сколько о коллаборационистах, то есть об отдельных личностях, одиночках, вставших на путь сотрудничества с врагом. В этом просматривается попытка указать на коллаборационизм не как на явление, а скорее как на недоразумение, крайне несвойственное советскому народу⁴, а также преуменьшить масштабы коллаборационизма, сделать его незаметным на фоне массового патриотизма народов СССР в годы войны. Некоторые авторы указали, что в период оккупации с гитлеровцами хотя и сотрудничали русские, никакого отношения к советскому народу они не имели, так как значительная их часть была из эмигрантов, носителей белой идеи. Так, Л. В. Котов указал, что «на руководящие посты в этом аппарате (в органах местного самоуправления. – И. Е.) назначались прибывшие в обозе гитлеровской армии белоэмигранты, в том числе члены белогвардейской организации Национально-трудовой союз (НТС), находившейся на службе у фашистов... Они всячески помогали германской армии... Но советские люди не мыслили свободы своей Родины без ее верных сынов-коммунистов»⁵. В другом труде по истории войны говорится: «Верными лакеями фашистов в проведении всех мероприятий по порабощению народа и уничтожению советских патриотов были буржуазные националисты... в том числе националистическое отребье, прибывшее в обозе гитлеровской армии»⁶.

К трудам советской эпохи, эпизодически коснувшимся вопросов гражданского коллаборационизма, относятся работы Г. Глазунова⁷, Н. Майорова⁸, А. Ананьева, Ф. Тулинова⁹, Н. Мюллера¹⁰. Этой же проблеме посвящены отдельные места общих трудов по истории Великой Отечественной войны¹¹, литература, описывавшая работу советских органов госбезопасности во время войны¹². Советские авторы упрощали создание оккупационных учреждений и работу в них советских граждан до банального прислуживания немцам. А мотивами вступления на путь коллаборации считали тщеславие, карьеристские побуждения, трусость, шкурные интересы.

---

³ См., напр.: *Вторая мировая война. Итоги и уроки*. М., 1985. С. 161; *Макашов А. И.* В центре России. Орел, 1994. С. 36. *Фефелов В. И.* Подвигу жить вечно. Тула, 1983. С. 28–42.

⁴ *История Великой Отечественной войны Советского Союза*. Т. 2. С. 346.

⁵ *Котов Л. В.* В тылу группы армий «Центр» // *Герои подполья*: Сб. статей. М., 1970. С. 6.

⁶ *История Великой Отечественной войны Советского Союза*. Т. 2. С. 346.

⁷ *Глазунов Г.* Это было в Краснодоне // *Неотвратимое возмездие*: Сб. статей / Сост. Н. Ф. Чистяков, М. Е. Карышев. М., 1974. С. 167–184.

⁸ *Майоров Н.* Краснодарский процесс // *Неотвратимое возмездие*. С. 200–213.

⁹ *Ананьев А., Тулинов Ф.* Трагедия на Анчупанских холмах // *Неотвратимое возмездие*. С. 271–288.

¹⁰ *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 1974.

¹¹ *Война в тылу врага: о некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны*. М., 1974; *Вдовин А.* Русские в XX веке. М., 2004; *Павлов В. В.* Сталинград: мифы и реальность. М., 2003.

¹² *Чекисты*: Сб. статей / Сост. А. В. Сапаров. Л., 1967. С. 191–201; *Армейские чекисты. Воспоминания военных контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов* / Сост. А. А. Богданов, И. Я. Леонов. Л., 1985. С. 57–64, 74, 79–80, 114–117, 145–146, 149–150; *Чекисты*: Сб. статей. М., 1970. С. 260–279; *За линией фронта*: Сб. статей. Тула, 1968.

Можно согласиться с Е. Ф. Кринко и О. А. Чубарьяном, что тема коллаборационизма как научная проблема в советской историографии полностью игнорировалась¹³. А также с Л. М. Млечиным, что жизнь на оккупированных территориях не была изучена, будучи «запретной темой для советской историографии»¹⁴.

В перестроечный период в СССР проникли работы западных исследователей, в частности книга А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»¹⁵, преподнесшая коллаборационизм в ином ракурсе, были изданы мемуары политзаключенных¹⁶, представлявшие любую форму коллаборации с германским нацизмом как вызов большевизму. Они возбудили интерес исследователей к проблеме коллаборационизма, возможность для реализации которого значительно возросла после распада СССР.

Из работ историков постсоветского периода стоит назвать труды М. И. Семиряги¹⁷, Ю. Н. Арзамаскина¹⁸, А. Ф. и Л. Н. Жуковых¹⁹, С. И. Дробязко²⁰, Б. В. Соколова, отличающиеся объективным анализом причинности коллаборационизма. Определенным вкладом в науку стал выход сборника «Под оккупацией в 1941–1944 гг.», включившего исследования А. С. Гогуна, К. Л. Таратухина, И. В. Грибкова, Т. С. Джолли, Р. И. Матвеевой-Рацевич, Р. В. Полчанинова²¹. Объективностью в исследовании отдельных моментов гражданского коллаборационизма отличаются труды А. Перельгина²², Д. И. Чернякова²³, М. В. Шкаровского²⁴, Д. В. Поспеловского²⁵. Отрывочные сведения о локализованных фактах проявления гражданского коллаборационизма сообщаются также на страницах периодических печатных изданий²⁶, в религиозной литературе²⁷.

Заслуживают внимания исследования коллаборационистских процессов среди казачества²⁸. Данные труды демонстрируют новый подход к событиям, заключающийся в рассмот-

¹³ Кринко Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Второй мировой войны: старые и новые подходы // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. № 2. С. 144; Чубарьян О. А. Дискуссионные вопросы истории войны // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 11.

¹⁴ Млечин Л. М. Адольф Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 388.

¹⁵ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1989. Т. 5. С. 224–232.

¹⁶ Панин Д. М. Лубянка – Экибастуз: Лагерные записки. М., 1990.

¹⁷ Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991; *Он же*. Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов // Другая война: 1939–1945 / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 313–339; *Он же*. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33; *Он же*. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.

¹⁸ Арзамаскин Ю. Заложники Второй мировой. М., 2001.

¹⁹ Жуков А. Ф., Жукова Л. Н. К вопросу о коллаборационистах в Великой Отечественной войне // Клио. 1997. № 2. С. 173–181.

²⁰ Дробязко С. И. Русская Освободительная Армия. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998; *Он же*. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / Под ред. А. В. Огорокова. М., 1998. Вып. 2. С. 168–216; *Он же*. Под знаменами врага. М., 2004.

²¹ Под оккупацией: Сб. статей и воспоминаний // Под ред. Б. С. Пушкарева. М., 2004.

²² Перельгин А. Орловская епархия в 1941–1945 гг. // Истории русской провинции: Сб. статей / Под ред. Н. Макарова. СПб., 2006; *Он же*. Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел: Типография «Труд», 2008.

²³ Черняков Д. И. Состояние школьного образования в оккупированном Брянске (октябрь 1941 – сентябрь 1943 гг.) // Наш край в судьбе Отечества: Материалы научно-практической конференции / Сост.: Управление по делам архивов Брянской области. Брянск, 2008. С. 71–86.

²⁴ Шкаровский М. В. Нацистская Германия и православная Церковь. М., 2002.

²⁵ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

²⁶ Лукашев А., Головачев П. Волки охотятся ночью // Брянский рабочий. 1993. 16 апреля. № 73, 21 апреля. № 76, 22 апреля. № 77, 27 апреля. № 80, 7 мая. № 85; «Казачи» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 15–21; Мангазеев И. А. Трудовая жизнь в оккупации // Тверские губернские известия. 1998. 15–21 июля. *Он же*. Тверской коллаборационизм // Вечерняя Тверь. 2001. 2–8 ноября. *Он же*. Коллаборационисты // Вечерняя Тверь. 2005. 18 февраля.

²⁷ Амиргилова В. И. Блаженны изгнанные правды ради. Орловский Христа ради юродивый Афанасий Андреевич Сайко. Орел: Православное молодежное братство во имя Великомученика и Победоносца Георгия, 2007–2008.

²⁸ Дробязко С. И. Казачья эмиграция во Второй мировой войне // Там же. Т. 4. С. 51–115; Смирнов А. А. Атаман Краснов.

рении советского коллаборационизма как социально-политического явления, требующего всестороннего исследования. Что касается исследования истории псевдогосударственных территориальных образований, а также особенностей оккупационной политики, несомненным вкладом в науку стали вышедшие в последние годы труды И. В. Грибова²⁹, Д. А. Жукова³⁰, И. И. Ковтуна³¹, С. И. Веревкина³².

Однако ряд авторов последнего времени не в силах отказаться от парадигм советского периода. Так, А. Попов³³ признает огромное влияние коллаборационизма на ход войны, достаточную численность русских, находившихся на службе у оккупантов, «неоценимую помощь», оказанную немцам населением Украины, Белоруссии, Закавказья, называя при этом националистические мотивы³⁴. В то же время считает, что на службу к врагу шли преимущественно «уголовники и лица, обиженные советской властью»³⁵. Б. Н. Ковалев в своей монографии «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 гг.»³⁶ пытается воссоздать картину сотрудничества граждан СССР с противником в экономической, культурной, религиозной областях. Однако в своих выводах по категоричности суждений превосходит репрессивные органы сталинского периода. Так, если даже в послевоенный период деятельность работавших на оккупированных территориях старост, работников здравоохранения, просвещения и т. п. не подпадала под уголовное преследование, подвергаясь лишь моральному осуждению, то, по мнению Б. Н. Ковалева, деятельность коллаборационистов «должна быть охарактеризована как измена родине, как в нравственном, так и в уголовно-правовом смысле этого понятия». Столь же резким несоответствием фактологической части выводам отличаются работы Л. М. Млечина³⁷.

Кроме того, в последнее время появляются отечественные издания, не вносящие чего-либо нового в тему исследования, а составленные исключительно путем механического соединения фактов, изложенных в других изданиях. Характерным примером может служить книга С. Г. Чуева «Проклятые солдаты»³⁸. Автор допустил смысловые ошибки, нарушил хронологию событий. А выводы предложил совершенно противоположные изложенному.

Зарубежная историография в ряде случаев имела те же черты, что и отечественная. Зарубежные исследователи в большинстве случаев занимались историей воинских формирований из граждан СССР, практикой их боевого применения. Другим сторонам советского коллаборационизма в их работах отведено меньше места. Высокой оценки заслуживают работы доктора Й. Хоффмана³⁹, Г. Фишера⁴⁰, И. А. Дугаса, Ф. Я. Черона⁴¹, Ю. Торвальда⁴², А. Д. Даллина⁴³,

М., 2003; Сидоров А. Вот такие «казаки» // Станица. 2003. Август. № 2 (40). С. 11; Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005.

²⁹ Грибов И. В. Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М.: Московский писатель, 2008.

³⁰ Жуков Д. А., Ковтун И. И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М.: Вече, 2009.

³¹ Ковтун И. И. Партизаны Брянщины: мифы и правда // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 17–25.

³² Веревкин С. И. Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину? М.: Яуза-Пресс, 2009.

³³ Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Он же. Диверсанты Сталина. М., 2004.

³⁴ Попов А. Ю. Диверсанты Сталина. С. 99.

³⁵ Там же. С. 104.

³⁶ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 гг. М., 2004.

³⁷ См., напр.: Млечин Л. М. Адольф Гитлер и его русские друзья. М., 2006.

³⁸ Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004.

³⁹ Хоффман Й. История власовской армии. Париж, 1990 (название оригинала: Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1986); Он же. Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinner im deutschen Heer. Freiburg, 1982; Он же. Kaukasier 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvolker der Sowietunion. Freiburg, 1991.

⁴⁰ Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. Cambridge, 1952.

⁴¹ Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Париж, 1994.

⁴² Томашевский М. В. Очерки истории Освободительного Движения Народов России (пер. на рус. яз. монографии:

А. Д. Муноза⁴⁴, Р. Михаэлиса⁴⁵, М. Купера⁴⁶, Т. Шульте⁴⁷, А. Верта⁴⁸, С. Стеенберга⁴⁹, А. Пронина⁵⁰, Н. П. Вакра⁵¹, А. Редклиффа⁵², Д. Армстронга⁵³.

Но многие зарубежные авторы старались представить советский коллаборационизм почти исключительно как политический протест против существовавшего в СССР режима, оставив полный набор причин этого явления за рамками исследований.

Таким образом, существующая на сегодняшний день отечественная и зарубежная историография не позволяет говорить о проблеме гражданского коллаборационизма как о детально изученной.

Для раскрытия темы сотрудничества граждан РСФСР в гражданской сфере нами использованы две основные группы источников:

– неопубликованные, включающие документы и материалы, хранящиеся в архивах (государственных и частных коллекциях), а также неопубликованные источники личного происхождения – устные свидетельства участников событий;

– опубликованные, включающие специальные сборники документов и материалов, источники личного происхождения – мемуары бывших коллаборационистов, советских партизан, военнослужащих РККА, печать военного времени.

К первой группе относятся прежде всего архивные материалы, обнаруженные автором в центральных и областных архивах Российской Федерации. Кроме того, использованы документы личного архива автора (Личный архив И. Г. Ермолова – ЛАЕ), собранные в течение 1998–2008 гг., включающие пропагандистские материалы (коллекция листовок, плакатов и т. д.), периодику военного времени, документы по исследуемой тематике (приказы, сводки, касающиеся периода оккупации), копии судебных документов, дневники и письма участников рассматриваемых событий и т. д.

Также использованы справочно-документальные издания, например сборники «Партизаны Брянщины»⁵⁴, «От ЧК до ФСБ»⁵⁵, «Неизвестная блокада»⁵⁶, «Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»⁵⁷, документальные публикации А. Попова⁵⁸, В. И. Даши-

---

Thowald J. Wenn sie verderben wollen. Stuttgart, 1952); *Он же*. Иллюзия: советские солдаты в гитлеровской армии. Нью-Йорк, 1974; *Он же*. The Illusion: Soviet Soldiers in Hitler's Armies. Б. м., 1975.

⁴³ Dallin A. D. The German rule in Russia 1941–1945: A study in occupation Policies London, 1957, 1981. *Он же*. The Kaminski Brigade: A Case-Study in Soviet disaffection // In Revolution and Politics in Russia. Indiana, 1972.

⁴⁴ Munoz A. J. Hitler's Eastern Legions. N. Y.: Vol. I., 1996. Vol. II. The Osttruppen. 1997; *Он же*. Проигрыш во Второй мировой войне: нацистская расовая политика и вербовка добровольцев на Востоке // Комманд. 1995. Ноябрь. № 35.

⁴⁵ Michaelis R. Die russische Volksbefreiungsarmee «RONA» 1941–1944. Russen im Kampf gegen Stalin. Erlangen, 1992.

⁴⁶ Cooper M. Nazi war against soviet partisans. N. Y., 1979.

⁴⁷ Schulte T. The German Army and Nazi Policies in occupied Russia. Oxford N. Y. Muenich, 1980.

⁴⁸ Верта А. Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967.

⁴⁹ Стеенберг С. Андрей Андреевич Власов. Мельбурн, 1974; *Он же*. Vlasov. New York, 1970.

⁵⁰ Пронин А. Партизанская война на оккупированных немцами советских территориях 1941–1945 гг. Джорджтаун, 1965.

⁵¹ Вакр Н. П. Белоруссия: формирование нации. Исследование. Кембридж, 1956.

⁵² Редклифф А. Уроки, извлеченные из партизанской войны в России. МО № РО55С, Управление Военной Истории. Б. м., б. д.

⁵³ Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2007.

⁵⁴ Партизаны Брянщины: Сб. материалов и документов БПА. Брянск, 1959. Т. 1; Партизаны Брянщины: Сб. материалов и документов БПА. Брянск, 1962. Т. 2.

⁵⁵ От ЧК до ФСБ: Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края 1918–1998. Тверь, 1998.

⁵⁶ Неизвестная блокада. М., 2003.

⁵⁷ Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар: Советская Кубань, 2000.

⁵⁸ Попов А. НКВД и партизанское движение. М., 2003.

чева⁵⁹, О. В. Вишлева, А. Мипоз⁶⁰, справочно-документальные сборники⁶¹, документальные публикации краеведов⁶².

Важной составляющей источниковой базы служат опубликованные мемуары бывших коллаборационистов и лиц, в период войны близко стоявших к коллаборационистским процессам⁶³, германских политиков и военнослужащих высокого ранга⁶⁴, бывших партизан, подпольщиков, сотрудников органов госбезопасности ^[2], советских военачальников⁶⁵.

Кроме того, в книге использованы коллаборационистские периодические издания, пропагандистские брошюры⁶⁶, агитационные листовки и плакаты, советская периодика.

Избранная источниковая база позволяет реконструировать рассматриваемые стороны гражданского коллаборационизма. Однако автор не претендует на полное и окончательное раскрытие данной темы. Правильнее будет сказать, что эта работа только начинается. В частности, каждый из разделов настоящей книги может в дальнейшем стать предметом самостоятельного глубокого исследования.

---

⁵⁹ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973.

⁶⁰ Вишлев О. В. Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 131–140; Мипоз А. Бригада Каминского: история. Нью-Йорк, 1995.

⁶¹ Городков В. По старинным аллеям. Тула, 1983. С. 88–95; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М., 1996; Горелов М. И. Станислав Юлианович Жуковский: жизнь и творчество. 1874–1944. М., 1982.

⁶² Осипов Б. Великокняжеская вотчина // Брянские известия. 1998. 29 мая; Шпачков В. Тайны темных аллей // Российские вести. 1995. 25 мая.

⁶³ Штрик-Штрикфельдт В. К. Против Сталина и Гитлера. М., 1993; Редлих Р. Н. В бригаде Каминского // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Т. 2; Казанцев А. С. Третья сила. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. М.: Посев, 1994; Байдалаков В. М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... М., 2002; Кромиади К. За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980.

⁶⁴ Гитлер А. Моя борьба. М., 2000; Шелленберг В. Мемуары. М., 1991; Он же. Лабиринт. М., 1991; Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1973.

⁶⁵ Попель Н. К. Танки повернули на запад. М., 1960; Чуйков В. И. Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М., 1972.

⁶⁶ Окταν М. Является ли эта война отечественной для народов России? Орел, 1942; Боец Красной Армии не сдастся! Л., 1940.

Глава 1

Причины и условия возникновения и развития гражданского коллаборационизма на оккупированных территориях СССР

§ 1. Восточная политика Германии и практика ее воплощения

Проблему гражданского коллаборационизма следует рассматривать в совокупности с постулатами гитлеровской восточной политики, то есть комплекса основополагающих установок национал-социализма по отношению к СССР и его населению. Еще в середине 1920-х гг. А. Гитлер так сформулировал основной стержень этой политики: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены... Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства...»⁶⁷

Здесь же будущий фюрер указал на историческую роль Германии в установлении государственности «внутри более низкой расы», то есть славян, а также на якобы имевшую место ассимиляцию евреев в российское общество, что, по его мнению, привело к истреблению германского правящего ядра и занятию евреями места, исторически предназначенного германцам⁶⁸. То есть Гитлер напрочь отказывал русским в способности самим осуществлять государственное руководство, считая, что государственные функции среди русского народа поочередно выполняли то немцы, то евреи, но никак не сами русские.

Следует отметить, что Гитлер был далеко не первым из германских политиков, кто отводил русским роль людей второго сорта. Впервые мысль о русских как о «недочеловеках» была высказана основоположником коммунизма Карлом Марксом⁶⁹. Он же назвал славянские народы «этническим дерьмом»⁷⁰, подлежащим полному уничтожению в ходе всемирной революционной войны⁷¹.

Более «гуманный» по отношению к славянам Гитлер планировал лишь порабощение славян и их частичное уничтожение. В 1940–1941 гг. во время подготовки плана «Барбаросса» гитлеровские постулаты нашли свое практическое применение.

Первоначальный проект «восточного вопроса» предусматривал создание буфера между Германской империей и азиатской частью СССР. С этой целью на территории европейской части Советского Союза планировалось формирование нескольких национальных государств с собственными правительствами (Украина, Белоруссия, Литва, Латвия), которые отделяли бы

---

⁶⁷ Гитлер А. Указ. соч. С. 556.

⁶⁸ Гитлер А. Указ. соч. С. 556.

⁶⁹ Wurmbrand R. Der unbekannte Karl Marx. Seewis, 1983. S. 42.

⁷⁰ New York Times. 1863. 25 Juni.

⁷¹ Wolfe B. Marxismus. New York, 1965.

Германию от России, расколовшейся на ряд «крестьянских республик». Замена коммунистической России националистическим государством не предусматривалась, так как оно впоследствии могло бы стать врагом Германии⁷².

Но с началом Второй мировой войны Гитлер внес коррективы в первоначальные планы, отказавшись от идеи буферных государств. Теперь, по мнению фюрера, необходимо было препятствовать возрождению любых национальных стремлений, могущих представлять опасность для Германии. В случае захвата СССР предусматривалась передача власти на оккупированных территориях германской администрации и разделение Советского Союза на отдельные области в целях наилучшего хозяйственного освоения. В частности, планировалось разделить СССР на четыре имперских комиссариата: «Остланд», включавший Прибалтику и Западную Белоруссию, «Украину», «Московию», то есть Центральную Россию, и «Кавказ».

Данная концепция была выражена в так называемом генеральном плане «Ост», явившемся, по сути, долговременной программой колонизации Восточной Европы. В соответствии с ним СССР как государство подлежал ликвидации, а населявшие его народы навечно лишались самостоятельного государственного существования. Так называемая восточная политика предусматривала постепенную замену славянских народов немецкими переселенцами-колонизаторами. Планировалось в течение 30 лет истребить и выселить около 31 млн славян, а их земли предоставить для расселения немцам. Снизить численность русских предполагалось путем проведения целого комплекса мероприятий, в частности снижения рождаемости. На бывшей советской территории допускалось оставить не более 14–15 млн коренных жителей, подлежащих постепенному онемечиванию⁷³. Несколько меньше пострадать от этого плана могли лишь народы Прибалтийских республик. Так, если из Западной Украины предполагалось выселить 65 % населения, а из Белоруссии – 75 %, то с территории Литвы, Латвии и Эстонии подлежало выселению лишь 50 % коренных жителей⁷⁴.

Зондерфюрер В. К. Штрик-Штрикфельдт описал беседу, прошедшую летом 1941 г. между фельдмаршалом Ф. фон Боком, Розенбергом и его особоуполномоченным, где Розенберг лично изложил фельдмаршалу планы Германии относительно русских. Так, министр утверждал, что «русских на 40 миллионов больше, чем нужно, и они должны исчезнуть.

– Каким образом?

– Голодной смертью. Голод уже стоит у дверей.

– А если удастся решить проблему голода?

– Все равно 40 миллионов населения – лишние.

– А по ту сторону новой границы, на востоке?

– Там будут влачить «степное существование» уцелевшие русские, евреи и другие унтерменши ^[3]. И эта «степь» не будет больше никогда опасной для Германии и Европы⁷⁵.

Уже в ходе войны возглавляемое бывшим российским подданным Альфредом Розенбергом министерство по делам оккупированных восточных территорий предложило увеличить число подлежащих выселению славян до 45–51 млн человек. Что касается отношения к русскому народу как к таковому, в одном из документов говорилось: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорей всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много

---

⁷² Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 22.

⁷³ Дашичев В. И. Указ. соч. С. 30–31.

⁷⁴ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. Berlin, 1982. S. 118.

⁷⁵ Штрик-Штрикфельдт В. К. Указ. соч. С. 41.

забот для германского руководства»⁷⁶. Административные районы, на которые предполагалось разделить исконно русские территории, должны управляться немецкими генеральными комиссарами. Причем последние обязаны были всеми силами проводить политику национального разобщения русской нации, обеспечив в каждом районе «обособленное национальное развитие». Планировался также подрыв культурного и научного потенциала народов СССР, что обеспечивалось путем уничтожения интеллигенции. Подобной точки зрения придерживался и министр земледелия Германии Дарре, считавший, что «на всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельских слуг и промышленных рабочих»⁷⁷.

30 марта 1941 г. Гитлер назвал запланированную войну против СССР «войной мировоззрений», отметив, что сама жестокость в ней есть благо для будущего⁷⁸. На основе этих установок были разработаны некоторые документы, например распоряжение о ведении военного судопроизводства. Оно, по сути, снимало с германских военнослужащих ответственность «за действия против вражеских гражданских лиц». А «приказ о комиссарах» и ряд других приказов санкционировали уничтожение партийных и советских работников, комиссаров, евреев, интеллигенции, на которых накладывалось клеймо «неприемлемых с политической точки зрения»⁷⁹.

Однако планы гитлеровского руководства в отношении СССР и его населения предполагалось тщательно скрывать. Специальная директива по вопросам пропаганды предписывала разъяснять населению СССР, что противником Германии являются не народы Советского Союза, а евреи, созданное ими большевистское советское правительство, коммунистическая партия. При этом предписывалось пропагандировать, что германская армия лишь стремится избавить людей от гнета большевиков. За счет подобной пропаганды предполагалось осуществить разделение СССР на обособленные административные образования, завуалировать намерения гитлеровского руководства относительно будущего Советского Союза⁸⁰. На тот период времени пропаганда не ставила своей целью привлечение советского населения к вооруженной борьбе на стороне Германии, так как германскому руководству представлялось, что война будет скоротечной. Но сотрудничество населения СССР с оккупантами в гражданской сфере виделось необходимым, для чего было целесообразно заинтересовать жителей Советского Союза отдельными аспектами «нового порядка». Кроме того, это было необходимо для минимизации сопротивления оккупантам, недопущения массового партизанского движения.

С этой целью после 22 июня 1941 г. немецкая пропаганда провозгласила войну против Советского Союза «крестовым походом Европы против большевизма» и «всеевропейской освободительной войной»⁸¹.

Если верить мемуарам офицеров вермахта, большинство из них, не говоря уже о солдатах, не имело понятия о действительных целях нацистской верхушки в отношении СССР и его народов. Так, фельдмаршал фон Бок летом 1941 г. принял в главном штабе группы армий «Центр» в Борисове министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга и его особоуполномоченного, выслушав их концепцию о будущем СССР. Присутствовавший при этом зондерфюрер В. К. Штрик-Штрикфельдт отметил реакцию фельдмаршала на услышанное: «То, что эти высокие гости наговорили Боку за обедом, настолько потрясло его, что

---

⁷⁶ Дашичев В. И. Указ. соч. С. 36–38.

⁷⁷ *Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1945 гг.): Сб. докладов и сообщений советских историков на 3-й международной конференции по истории движения Сопротивления*. М., 1965. С. 25–28.

⁷⁸ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 430–431.

⁷⁹ *Война Германии против Советского Союза*. Берлин, 1992. С. 41, 44–46; Дробязко С. И. Под знаменами врага. С. 34.

⁸⁰ Дробязко С. И. Под знаменами врага. С. 34.

⁸¹ Там же. С. 35.

он усомнился в психическом состоянии их и их начальства. Он сказал им это совершенно открыто... Такова была, значит, программа освободителя! Бок отказывался верить услышанному»⁸².

Однако восточная политика на протяжении всего военного периода не оставалась неизменной. При сохранении своей сущности она на различных этапах «восточной кампании» претерпевала эволюцию, что напрямую было связано с положением на фронтах. Некоторые же изменения восточной политики были продиктованы поражениями германской армии, в результате которых ряды коллаборантов таяли, и нацистам приходилось изыскивать средства, чтобы минимизировать переход изменников в ряды партизан.

Несмотря на провал блицкрига, 1941–1942 гг. были отмечены рядом побед германской армии и ее продвижением на восток в глубь советской территории. В этой обстановке немецкие командиры были поставлены перед необходимостью настраиваться на долговременное сотрудничество с населением Советского Союза. Тем более что занятая германскими войсками территория РСФСР относилась к зоне военного управления. Выразительный вывод сделал в своем докладе от 6 сентября 1942 г. генерал фон Рок. Выступая перед своими подчиненными в г. Пскове, он заявил: «Без доброй воли русских людей целей достичь невозможно»⁸³.

В конце 1942 г. положение германской армии ухудшилось – продвижение вермахта было остановлено под Сталинградом. 23 ноября завершилась четырехдневная операция по окружению группировки Паулюса, провалились попытки ее деблокирования. Крушение мифа о непобедимости германской армии отразилось на настроениях гражданского населения, пребывавшего на оккупированных территориях СССР. Случаи переходов коллаборационистов к партизанам участились, приняли массовый характер⁸⁴. Одновременно стало усиливаться партизанское движение, получая пополнение не только за счет местного населения, но и переходящих к партизанам коллаборантов.

В этой обстановке ряд офицеров вермахта поставил перед восточным министерством вопрос о пересмотре восточной политики с целью завоевать симпатии населения, изыскав дополнительные ресурсы для борьбы с партизанами в условиях затяжной войны. Обобщив поступавшие из оккупированных областей СССР сведения, шеф политического отдела восточного министерства доктор О. Бройтигам адресовал Розенбергу свои заметки. В них он указывал, что, поскольку войну в короткий срок выиграть невозможно, необходимо использовать людские ресурсы оккупированных областей СССР, используя идею гражданской войны. В этой связи требовалось, чтобы «авторитетные германские круги дали славянским народам успокаивающие обещания относительно их судьбы»⁸⁵. Тут же Бройтигам указывал: «Если мы не изменим в последние минуты курса нашей политики, то можно с уверенностью сказать, что сила сопротивления Красной армии и всего русского народа еще больше возрастет... Если же мы сумеем переменить курс политики, то... этим самым нам удастся разложить Красную армию. Сопротивление красноармейцев будет сломлено именно в тот момент, когда они поверят, что Германия принесет им лучшую жизнь, чем Советы»⁸⁶.

18 декабря 1942 г. в Берлине прошла созванная Розенбергом конференция по обсуждению вопросов обращения с русским населением и дальнейшего курса восточной политики, на которой присутствовали начальники тыловых районов Восточного фронта, военные чиновники, ответственные за проведение политики на оккупированных территориях. Военные подчеркивали необходимость использования населения СССР для борьбы с партизанами и попол-

---

⁸² Штрик-Штрикфельдт В. К. Указ. соч. С. 40.

⁸³ Цит. по: Хасс Г. Германская оккупационная политика в Ленинградской области // <http://vivoco.rsl.ru>

⁸⁴ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13.

⁸⁵ Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 234.

⁸⁶ Там же. С. 238.

нения войск. Для этого они считали необходимым принятие ряда мер как экономического, так и политического характера. В частности, предлагали восстановить для населения право частной собственности, прежде всего на землю, улучшить продовольственное обеспечение населения, минимизировать принудительный угон трудоспособных в Германию, привлечь местных жителей к ограниченному участию в решении ряда административных вопросов. В политическом плане предлагалось дать населению СССР цель, которая отвечала бы его вкусам.

При этом подчеркивалось, что комплекс указанных изменений – лишь временная мера, которую можно пересмотреть после войны⁸⁷. В частности, был зачитан доклад уполномоченного по вопросам Кавказа при группе армий «А» генерала Э. Кестринга, один из выводов которого гласил: «Затяжной характер восточного похода требует, чтобы мы убедили население оккупированных областей в том, что при нас его ожидает лучшая жизнь, чем при Сталине и при царе»⁸⁸. По мнению докладчика, для этой цели необходимо привлечение к борьбе против советского строя русского (местного) населения, так как «Россия должна и может быть побеждена только с помощью русских»⁸⁹. В заключение конференции председательствующий Розенберг пообещал обобщить предложения, высказанные его участниками, после чего довести их до сведения фюрера⁹⁰. Результатом явилось принятие ряда решений о лояльном отношении к русским⁹¹.

Что касается экономической политики на оккупированных территориях СССР, ее цели довольно выразительно воспроизводит фигурировавший на Нюрнбергском процессе приказ фельдмаршала фон Манштейна, изданный в самом начале войны: «Положение с продовольствием в стране (Германии. – *И. Е.*) требует, чтобы войска кормились за счет местных ресурсов, а возможно большее количество продовольственных запасов оставлялось для рейха. Во вражеских городах значительной части населения придется голодать. Не следует, руководствуясь ложным чувством гуманности, что-либо давать военнопленным или населению, если только они не находятся на службе немецкого вермахта»⁹².

Таким образом, планы нацистской Германии, в частности Гитлера и номенклатуры НСДАП, в отношении Советского Союза и его населения в их первоначальном варианте были направлены на ликвидацию СССР как самостоятельного государства. Понятно, что они в том виде, в котором были провозглашены, никак не могли завоевать каких-либо симпатий населения Советского Союза. Даже если принять за аксиому утверждение, что большая часть населения СССР, затронутая сталинскими репрессиями, вынужденная нести тяжесть коллективизации, жить в условиях тотального дефицита, вовсе не симпатизировала И. В. Сталину и курсу ВКП(б), гитлеровские планы относительно будущего нашей страны никак не могли стать для советских граждан приемлемой альтернативой.

---

⁸⁷ Мюллер Н. Указ. соч. С. 260–261.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Дробязко С. И. Под знаменами врага. С. 102.

⁹² Цит. по: Верт А. Указ. соч. С. 511.

§ 2. Причины и условия формирования коллаборационистских настроений

В отличие от военного коллаборационизма, в котором приняли участие три основные категории советских граждан – советские военнопленные, дезертиры и перебежчики из партизанских отрядов и РККА, гражданское население оккупированных областей, в гражданских коллаборационистских процессах была задействована в основном последняя категория граждан СССР.

Гражданское население оккупированных областей составило довольно многочисленную, основную категорию лиц, сотрудничавших с врагом в гражданской сфере. Именно местные жители стали незаменимым контингентом в формировании учреждений местного самоуправления, органов вспомогательной полиции, действовавших практически в каждом населенном пункте. Зная условия данной местности, язык, они выполняли свои обязанности по обеспечению управления оккупированными населенными пунктами и административными образованиями гораздо лучше, чем тыловые армейские структуры и чиновники восточного министерства Германии.

Немалое число гражданского населения, ставшего на путь сотрудничества с врагом, таким образом выразило свое недовольство советской властью. Партийный диктат, всевластие бюрократии, коллективизация, неразумное решение национального и религиозного вопросов, развязанный большевиками кровавый террор и репрессии – все это вызвало у определенной части населения неудовлетворенность и ожесточенность. Антисоветские настроения стали особенно часто всплывать в преддверии нападения Германии на СССР. Так, осужденный Орловским областным судом 29 июля 1941 г. бригадир Д. Т. Ободов накануне войны наставлял своих подчиненных следующим образом: «Теперь заманивают в Эстонию, Латвию и Литву. Там пока жить хорошо, но скоро и там будут все голодать так же, как и у нас. Колхозы бедные, у крестьян все отобрали, и там отберут все у крестьян, и будет голодовка. Теперь куда ни пойдешь – все равно плохо, нас везде зажали». «Наше правительство все продукты вывозит в Германию, а нам здесь есть нечего. А Германия разобьет Европу, а потом и нас бить начнет»⁹³.

После вторжения германских войск в СССР часть гражданского населения была поставлена перед дилеммой: защищать сложившийся государственный строй с его репрессивной системой, затронувшей к тому времени значительную часть населения СССР, или же пойти на сотрудничество с Германией, объявившей крестовый поход против большевизма. При всей преступности нацистской политики она, особенно в первые месяцы войны, не казалась некоторой части населения СССР такой отталкивающей, какой ее преподносила советская пропаганда. Характерным примером служат опубликованные в газете Локотского самоуправления выдержки из документов захваченного немцами Дмитровского райотдела НКВД (Орловская область), показывающие настроения части населения в первые недели войны. Так, в секретном отчете райвоенкома Суркова райкому партии говорилось, что «гражданка Булатова, работавшая в Дмитровской аптеке, на возмущение гражданки Ткачевой по поводу зверств немецкой армии на оккупированной территории заявила: «А это они не над нашим братом расправляются, это они над партийными, а мы что, сейчас народ подневольный, и тогда будем работать, нам все равно»⁹⁴.

Противоречие между властью и народом, заложенное в самой тоталитарной системе, проявилось в настроениях населения многих оккупированных областей. Арестованная органами

---

⁹³ ЛАЕ. Справка Верховного Суда РФ от 18.09.2002. № 37-9нс-5; ЛАЕ. Материалы уголовного дела Ободова Дмитрия Терентьевича. Л. д. 11–12.

⁹⁴ Жизнь на сталинской каторге и ожидание немцев-освободителей // Голос народа. 1942. 5 ноября.

Калининского НКВД Н. П. Евдокимова так объяснила мотивы своего сотрудничества с оккупантами: «Мое социальное происхождение (дворянское. – *И. Е.*) служило поводом к тому, что меня неоднократно увольняли с работы, и вследствие этого мне приходилось испытывать материальные трудности. Кроме того, у меня было два брата, оба офицеры царской армии. Один из них, боясь репрессий советской власти, покончил жизнь самоубийством еще в начале Октябрьской революции, а второй, несколько позже, будучи репрессирован советской властью, умер в тюрьме... Все это возбудило во мне ненависть к советской власти, и с приходом немцев в город Калинин я охотно встала на путь предательской деятельности»⁹⁵.

Часть сельского населения, настроенная враждебно к советской власти в результате политики раскулачивания, длительное время скрывала свои настроения из-за страха перед репрессиями. Лишь в ходе оккупации советских территорий германскими войсками эти антисоветские настроения проявились, демонстрируя неоднородность советского общества. Так, в августе 1941 г. жительница деревни Левашово Емельяновского района Калининской области А. М. Новоселова говорила односельчанам: «Когда придет немец, обо всех коммунистах донесем, пускай их расстреливают»⁹⁶.

Американский корреспондент Чарльз В. Тейер засвидетельствовал, как крестьяне одной из деревень к юго-западу от Москвы после известия о нападении Германии говорили: «Наконец-то! Пусть Кремль только даст нам оружие. Мы уже знаем, в кого будем стрелять. Если Гитлер появится на мосту перед нашей деревней, мы все выйдем ему навстречу с хлебом-солью»⁹⁷.

Причин формирования в сознании людей подобных убеждений, на наш взгляд, несколько. Во-первых, часть населения, в основном затронутая репрессиями, вряд ли могла допустить, что какой-то иной режим может оказаться хуже большевистского, тем более что информацию по этому поводу ранее приходилось черпать не иначе как из советских источников, потерявших в их глазах всякое доверие. Во-вторых, восточная политика Германии в отношении славян как представителей низшей расы, особенно в первые месяцы войны, еще не успела во всей полноте проявить свою сущность. Впрочем, даже после того, как национал-социализм уже порядком показал свое лицо, некоторая часть населения оккупированных областей все же предпочла его большевизму. В-третьих, ряд мероприятий германских оккупационных властей действительно был направлен на поддержание гражданского населения оккупированных областей, что отчасти объясняется более трезвым мышлением военных, не успевших еще как следует проникнуться нацистскими догмами⁹⁸.

То есть в сознании людей произошла переоценка ценностей, вызванная широким спектром причин – от искренних антисоветских убеждений до соображений практической целесообразности, порожденных сложившейся обстановкой.

В этой связи было бы неправильным объяснять вступление части гражданского населения на путь коллаборации с нацистами лишь политическими причинами. Большинство коллаборационистов руководствовалось в своем выборе именно соображениями целесообразности. Страх перед оккупантами, с одной стороны, и давление нацистской пропаганды, внушавшей, что советская власть больше не вернется, – с другой, заставляли гражданское население изыскивать способы существования в новых условиях. Это касалось не только рядовых граждан, но и членов ВКП(б), ВЛКСМ, партийных и советских работников. Так, в каждом райцентре Калининской, Курской, Орловской, Смоленской областей добровольно приходило на регистрацию в немецких комендатурах в среднем от 80 до 150 коммунистов, большинство из которых до войны работало на ответственных должностях. Около 70 % из них в период оккупации добро-

---

⁹⁵ АУФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 23–24.

⁹⁶ ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2. Л. 73.

⁹⁷ Цит. по: *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 39.

⁹⁸ *Штрик-Штрикфельдт В. К.* Указ. соч. С. 23–25.

вольно работало на немцев. В этом отношении показательны данные по Суражскому району Орловской области на 1 января 1943 г., согласно которым всего зарегистрировалось 93 члена ВКП(б), в том числе 34 человека по городу Сураж⁹⁹. Из них:

- председателей колхозов – 16;
- председателей сельских советов и их заместителей – 8;
- бригадиров, мастеров, начальников участков – 7;
- счетоводов колхозов, сельпо, бухгалтеров, статистиков – 6;
- педагогов – 5;
- председателей сельпо – 2;
- секретарей сельских советов – 2;
- секретарей парторганизаций – 1;
- народных судей – 1;
- начальников тюрьмы – 1;
- прочих советских специалистов – 7¹⁰⁰.

Лишь 3 человека ушли в партизаны¹⁰¹, 2 человека были арестованы немцами и отправлены в лагерь¹⁰², 1 человек расстрелян немцами¹⁰³.

После освобождения Воронежской области по 9 районам было учтено 1445 комсомольцев, переживших оккупацию, у 980 из них не оказалось комсомольских билетов.

Согласно их объяснениям, они сами уничтожили свои комсомольские билеты при приближении немцев, будучи абсолютно уверены, что те пришли навсегда. Было выявлено 400 членов ВЛКСМ, прошедших регистрацию в немецких комендатурах и находившихся на легальном положении. По сообщению Воронежского обкома ВКП(б), многие из них работали полицейскими, а девушки-комсомолки сожительствовали с итальянскими и немецкими офицерами¹⁰⁴. В апреле 1942 г., в период, когда райцентр Дятьков Орловской области временно был захвачен партизанами, был произведен учет коммунистов, оставшихся на оккупированной территории района. Из 394 членов районной парторганизации, включавшей 77 кандидатов и 317 членов ВКП(б), на учетный период осталось всего 134 человека. Из остальных членов ВКП(б) 193 человека уничтожили свои партбилеты, 66 человек было исключено из партии¹⁰⁵.

Усиливал коллаборационистские процессы и приток на оккупированные территории советских военнопленных и дезертиров. Их количество, а также свидетельства о положении на фронте давали местному населению понять то положение, в котором оказалась Красная армия в 1941–1942 гг. Говоря о масштабах дезертирства, уместно привести цифры по нескольким районам Тульской области, которая долгое время оставалась прифронтовой зоной. Так, только в двух деревнях Ефремовского района – Пожилино и Никольское – заградительными группами РО НКВД было за несколько дней задержано 100 дезертиров¹⁰⁶. В докладной записке Тульскому управлению НКВД начальник Ефремовского РО НКВД лейтенант госбезопасности Надеждин сообщает, что во время каждой ночной проверки по городу Ефремов чекистами задерживается по 50–60 дезертиров¹⁰⁷. На большое количество дезертиров и изменников в прифронтовых районах Тульской области указывают также докладные записки руководства Волов-

---

⁹⁹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 50–52 об.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Л. 51–51 об., 52 об.

¹⁰² Там же. Л. 52 об.

¹⁰³ Там же. Л. 51 об.

¹⁰⁴ Независимая газета. 2001. 22 июня. № 079 (4320).

¹⁰⁵ ЦНИБО. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹⁰⁶ *Хранить вечно. Документы 4-го отдела: Сб. документов / Под ред. В. П. Лебедева. Тула: УФСБ России по Тульской области, 2008. С. 23.*

¹⁰⁷ Там же.

ского и Ленинского и других РО НКВД¹⁰⁸. В частности, за октябрь 1941 г. по Дубенскому району задержано 400 дезертиров, по Каменскому – 350, по Кимовскому – 200¹⁰⁹. За период с 15 января 1941 г. по 15 марта 1942 г. по полностью или частично освобожденным районам Тульской области бойцами истребительных батальонов, созданных НКВД, задержано 378 дезертиров¹¹⁰. На этом фоне интересно, что из бойцов истребительных батальонов при подходе врага разбежалось 473 человека¹¹¹. По данным Калининского управления НКВД, проблема дезертирства по Калининской области, также являвшейся прифронтовой зоной, выглядела следующим образом. С 16 декабря 1941 г. по 15 января 1942 г. УНКВД провело по городу Калинин две операции по задержанию дезертиров, в результате которых было задержано 638 человек¹¹². А в течение 1942 г. на территории Калининской области было задержано 4323 дезертира¹¹³.

Мотивы дезертирства из рядов РККА в первые месяцы войны не обязательно были связаны с желанием поступить на службу к немцам. Напротив, чаще всего дезертирство объяснялось чисто бытовыми причинами, например желанием уклониться от военной службы, остаться на оккупированной территории, где жили семьи оставлявших свои части красноармейцев, избежать кровопролитных боевых действий с целью спасти жизнь и т. д. Эту категорию дезертиров нельзя однозначно отнести к коллаборационистам, поскольку они, оставляя части РККА, не преследовали конкретной цели поступить на службу к немцам. Зарубежные и отечественные исследователи указывают как на один из распространенных мотивов перехода через линию фронта страх за свои семьи, оставшиеся на оккупированной территории, боязнь, что они подвергнутся репрессиям со стороны оккупантов за службу одного из членов семьи в Красной армии¹¹⁴. Известны случаи, когда красноармейцы из страха репрессий за какую-либо провинность искали спасения, переходя к противнику¹¹⁵. Дезертиры из РККА становились на оккупированных территориях незаменимым материалом для формирования гражданской вспомогательной полиции, штатов промышленных предприятий, а также использовались в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве.

Оккупационные власти и созданные ими органы местного самоуправления, в очевидном расчете на то, что среди оставшихся на оккупированной территории коммунистов немало советских работников, специалистов, в ряде случаев создавали определенные условия для их привлечения на путь коллаборации. Так, бургомистр Клинцовского округа (Орловская область) Грецкий наставлял подчиненных районных бургомистров о необходимости привлечения членов ВКП(б) к участию «в строительстве новой жизни», недопущении применения к коммунистам угроз уничтожения и всего того, что могло бы обусловить их переход к партизанам¹¹⁶.

Вряд ли можно сомневаться в том, что значительное количество жителей оккупированных областей шло на сотрудничество с оккупантами не по политическим, а по чисто бытовым причинам. В точности отделить эту категорию изменников от убежденных противников советского режима сложно, так как социологический опрос никто не проводил, а лица, заявлявшие о своей готовности сотрудничать с немцами, как правило, называли именно политические мотивы – неприятие советской власти, желание бороться против большевизма. Имеющиеся в нашем распоряжении, а также в архивных фондах немецкие, коллаборационистские и

¹⁰⁸ Хранить вечно. Документы 4-го отдела: Сб. документов. С. 9, 12.

¹⁰⁹ Там же. С. 41.

¹¹⁰ Там же. С. 41–42.

¹¹¹ Там же. С. 41.

¹¹² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 28. Л. 156.

¹¹³ Ирлицин В. И. Указ. соч. С. 132.

¹¹⁴ Война Германии против Советского Союза. С. 60; Дробязко С. И. Под знаменами врага. С. 53.

¹¹⁵ Вторая мировая война: актуальность проблемы: [Сб. ст.] / Отв. ред. О. А. Ржешевский. – М.: Наука, 1995. С. 308.

¹¹⁶ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 44 об.

партизанские документы, хотя и изобилуют различными описаниями коллаборационистского контингента, не приводят каких-либо цифр, которые могли бы в полной мере прояснить ситуацию относительно мотивов коллаборации.

В наличии большого количества коллаборационистов, движимых именно бытовыми, неполитическими причинами, нет оснований сомневаться, если рассматривать коллаборационистский контингент в контексте привилегий, предоставлявшихся оккупантами своим пособникам. Вступление в антипартизанские формирования, устройство на работу в органы самоуправления давало гражданским лицам ряд преимуществ: спасение от угона на работу в Германию, льготы при налогообложении, наделение земель и сельхозинвентарем, гарантированную зарплату. Так, в конце 1942 г. выходившая в городе Пскове коллаборационистская газета «За Родину» опубликовала объявление о наборе мужчин в антипартизанские отряды. В центре стояли не политические призывы, а посулы экономического характера: обещание жалования, больших земельных наделов. Указывалось также на возможность карьерного роста – отличившимся в боях обещались посты в аппарате самоуправления¹¹⁷. В то же время лишение льгот вызывало обратный процесс – отток коллаборационистов и даже, в некоторых случаях, их переход к партизанам¹¹⁸.

Однако рычагов экономического давления не всегда было достаточно. Так, к концу лета 1942 г. немцы начали повсеместно практиковать принудительную мобилизацию в антипартизанские отряды¹¹⁹, а осенью того же года мобилизация проводилась уже под угрозой репрессий. Уклоняющихся привлекали к суду по законам военного времени, их семьи могли выселить из дома, в некоторых случаях – взять из семьи заложника¹²⁰. Назначение старост, волостных старшин и прочих работников самоуправления также зачастую проводилось в принудительном порядке, причем заложниками часто становились их семьи.

Как уже отмечалось, оккупированные территории РСФСР относились к зоне военного управления, оккупационные структуры которого с целью завоевания симпатий населения, поддержания коллаборационистских настроений проводили более мягкую политику, нежели гражданская администрация. К этому относятся щадящая налоговая политика, поддержание материального уровня работающих, религиозной активности, создание видимости законности путем запретов разграбления германскими военнослужащими местного населения и многое другое.

В аналитической записке органов ГБ УССР от 24 января 1943 г. значится: «В отличие от грабительской политики, проводимой фашистскими властями в тыловых местностях оккупированной территории, последние, чтобы завоевать симпатии населения, проживающего в непосредственной близости к линии фронта, в так называемой «военной зоне», проводят более мягкий режим»¹²¹. В этом же документе констатируется, что натуральные и денежные налоги в прифронтовой полосе взимаются в значительно меньших размерах, нежели в глубоком тылу, а ряд налогов, взимаемых в тылу, в «военной зоне» вообще не налагается¹²². В качестве мер поддержки сельского населения указывается практика выдачи сельскохозяйственным труженикам «по 10–16 кг зерна в месяц, чего не делается в тыловых областях», а также разрешение, в отличие от зоны «гражданского управления», праздновать религиозные праздники, на период которых крестьяне освобождаются от работ¹²³. Итогом такой политики, по словам составителя

---

¹¹⁷ За Родину (Псков). 1942. 24 декабря.

¹¹⁸ Чуев С. Указ. соч. С. 104.

¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 16.

¹²⁰ Там же. Д. 750. Л. 105.

¹²¹ Цит. по: Гогун А. Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. М.: Центрполиграф, 2008. С. 15–16.

¹²² Там же. С. 16.

¹²³ Там же.

аналитической записки, стало то, что «значительная часть населения так называемой «военной зоны» оказывает активную помощь оккупантам, затрудняя прохождение по этой зоне нашей агентуры, бежавших из плена военнослужащих Красной армии, выходящих из окружения, помогая немцам вылавливать партизан»¹²⁴.

В то же время германские властные структуры в зоне военного управления не могли пользоваться абсолютной властью на захваченных территориях. Так, глубина фронта германской армии составляла не более 10 км. Далее, в глубине оккупированной территории, кроме крупных городов, воинские части встречались редко. Охранные части располагались лишь вдоль железных и шоссейных дорог. На расстоянии 30–50 км от снабжающих фронт коммуникаций воинских частей почти не было¹²⁵.

Формально являясь властью на этих территориях, оккупанты далеко не всегда могли оспаривать эту власть у партизан. Так, тылы группы армий «Центр» были перед партизанами практически бессильны. Это подтверждается следующими цифрами: зона ответственности 582-го тылового корпуса уже в 1941 г. охватывала 6900 квадратных миль с более чем 1500 населенными пунктами. Для поддержания здесь порядка тыловой корпус располагал всего 16 ротами по 85 человек в каждой, то есть 1400 солдатами, из них на борьбу с партизанами могло быть выделено не более 300 человек¹²⁶. Генерал Роквес уже 14 сентября 1941 г. в секретном приказе № 1198/41 констатировал: «В лице русских партизан мы встречаем очень деятельного, ловкого, подвижного и решительного противника, который отлично умеет использовать местность... и, действуя в собственной стране, в большинстве случаев пользуется поддержкой населения»¹²⁷. Ввиду этого советских партизан следует рассматривать как силу, имевшую реальную власть на тех или иных участках оккупированной территории РСФСР.

Население же, вне зависимости от политических настроений, большей частью оказывалось перед дилеммой, к кому примкнуть и кого поддерживать: оккупантов или партизан. Все зачастую зависело от того, какая из противоборствующих сил имела в той или иной местности больше силы и влияния. Довольно выразительным на этот счет является сообщение одного из районных бургомистров, рассматривающее положение дел с точки зрения оккупантов: «Когда перед крестьянином встает проблема: помогать ему партизанам или немецким войскам, мы, к сожалению, часто вынуждены наблюдать, что ему невозможно отказать в помощи партизанам. Действительно, он видит партизан почти ежедневно, а немцев очень редко. Даже если он всем сердцем хочет сражаться с партизанами, как он это должен делать? Вступать с ними в открытую борьбу, не имея оружия, – это абсурд. Вступить в отряд самообороны – значит лишиться землю, которую он должен обрабатывать, единственного работника и обречь семью на уничтожение партизанами. Когда крестьянин следит за партизанами и сообщает об этом в комендатуру, об этом становится быстро известно, поскольку в деревне ничего нельзя сохранить в тайне, и расплата следует незамедлительно. К тому же уже сложилось убеждение, что их сообщения [немцам] в подавляющем большинстве случаев не ведут ни к каким действиям. Комендатура день за днем получает сообщения о партизанах из разных концов района, но может реагировать на них лишь в редких случаях, поскольку не располагает силами»¹²⁸. Несмотря на односторонность данного документа, автор которого относит частые отказы населения от сотрудничества с оккупантами на счет практической целесообразности, абсолютно игнорируя присущий ошутимой части населения советский патриотизм, следует признать, что страх перед партизанами был реальным фактором, в той или иной мере сдерживающим масштабы коллаборационизма.

---

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Попов А. НКВД и партизанское движение. С. 70; Ермолов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. С. 78.

¹²⁶ Попов А. НКВД и партизанское движение. С. 171–172.

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 131.

¹²⁸ Цит. по: Армстронг Д. Указ. соч. С. 409.

С другой стороны, именно аномалии партизанского движения становились и немаловажным условием, способствующим формированию коллаборационистских настроений. Так, в августе 1943 г. командир корпуса охранных войск Центральной административной группы отмечал, что резкое недовольство и противостояние населения вызывает поведение партизан в контролируемых ими районах: «В районах, где господствуют партизаны, они с крестьян берут налог до 165 кг с гектара. Там, где партизанам не удается снять урожай, они стремятся воспрепятствовать уборке или уничтожают его»¹²⁹. В июне 1943 г. представителю ЦШПД на Калининском фронте Рыжикову поступило выразительное донесение о том, что по приказу командования партизанской бригады № 10 комбрига Вараксова были сожжены три деревни Луги, Столбово, Козлово. 70 семей остались без крова. Согласно рапорту капитана З. Л. Дороша, «люди разошлись по селам и стали рассказывать, что делают партизаны 10-й Калининской бригады, что не только сжигают немцы, а даже и партизаны». В результате 20 человек мужчин из сожженных деревень пошли на службу в полицию в райцентр Мозули, стали участвовать в засадах на партизан¹³⁰. Упомянутый комбриг Вараксов устроил себе некое подобие поместья в деревне Мылинки, где держал в своем личном хозяйстве 25 коров, четыре лошади, владел четырьмя патефонами, веломашинной. Одну из лошадей по приказу комбрига кормили только мукой. Для ведения хозяйства партизанский комбриг держал нескольких партизан, которые специально для него делали масло, сливки, сметану. Двое бойцов в звании старшин обслуживали самогонный аппарат, гнали самогон. Некоторые партизаны по приказу комбрига делали налеты на крестьян, систематически мародерствовали¹³¹.

При инспектировании Калининских партизанских бригад по приказу начальника ШПД, члена Военного совета Калининского фронта полковника госбезопасности Бельченко в нескольких бригадах выявлены случаи грабежей партизанами мирного населения, издевательств над крестьянами, увода из деревень женщин для сожительства¹³². Заявления крестьян партизанскому командованию с просьбами вернуть награбленное и с описанием обстоятельств изъятия партизанами вещей и продуктов дают основания заключить, что отношения между населением и партизанами были весьма напряженными¹³³. Если принять во внимание наличие у населения оккупированных областей в качестве альтернативы поддержки партизанского движения, политика советских партизан далеко не всегда способствовала этому. Так, в докладной записке секретаря Себежского райкома ВКП(б) А. С. Кулеша на имя секретаря Калининского обкома ВКП(б) Воронцова от 27 июля 1943 г. указывается, что партизаны проводят мобилизацию местного населения, после чего оказывается, что вооружить такую массу мобилизованного народа невозможно, а держать в бригаде трудно материально. В результате распущенные по домам за ненадобностью мобилизованные ставились «под верный удар врага», так как теперь формально считались партизанами. Тем не менее только мобилизованные 10-й Калининской партизанской бригадой 400 человек были вынуждены разойтись по домам¹³⁴. Один из допрошенных в 1942 г. советских агентов в этой связи показал: «В сознании населения партизаны являются бандитами и грабителями. В ряде случаев партизаны небольшими группами (от пяти до семи человек) совершали набеги на деревни. В этих случаях люди, в особенности мужчины, в панике бежали из деревень. Даже там, где появлялись ложные слухи о приходе партизан, мужчины старались скрыться»¹³⁵.

---

¹²⁹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 4.

¹³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 583. Л. 14 об., 19 об. – 20.

¹³¹ Там же. Л. 19 об. – 20 об.

¹³² Там же. Д. 637. Л. 33 об. – 35.

¹³³ Там же. Л. 7–7 об., 10, 21, 25.

¹³⁴ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 15. Л. 16–17.

¹³⁵ Цит. по: Армстронг Д. Указ. соч. С. 416.

При налете партизан на населенные пункты их жертвами далеко не всегда становились германские военнослужащие и коллаборационисты, но зачастую мирные жители. Так, по Суражскому району Орловской области за вторую половину 1942 г. партизанами было убито 37 человек, из них работников районных и волостных управ – 8 человек, мирных жителей, не имевших никакого отношения к коллаборационизму, – 29 человек¹³⁶. По Мглинскому району жертвами партизан за тот же период стали 80 человек, 14 человек были уведены партизанами. Кроме того, партизанами было угнано много скота, принадлежавшего крестьянам¹³⁷.

Немаловажным фактором стала репрессивная деятельность немцев по отношению к местному населению в ответ на действия партизан. Так, немцы широко практиковали взятие заложников, их последующее уничтожение в ответ на партизанские вылазки. Порча партизанами немецкой военной техники, убийства военнослужащих ставили под удар оккупантов тот населенный пункт, где это происходило. Так, во второй половине 1941 г. возле деревни Красный Колодец Брасовского района Орловской области десять партизан под командованием В. А. Капралова, напав на немецкую штабную машину, убили офицера. В ответ немцы сожгли часть деревни¹³⁸. По Дятьковскому району за декабрь – январь 1941–1942 гг. расстреляно 45 жителей села Овсорок за появление в деревне партизан. По той же причине в деревне Липово сожжено 57 домов, также заживо сожжены местная учительница и ее дочь. За приход партизан в один из домов поселка Маково расстрелян хозяин дома и его двое сыновей, сожжены все дома поселка¹³⁹. За убийства партизанами германских военнослужащих к мирному населению принимались более жесткие меры. В деревне Стекланная Радица того же Дятьковского района в ответ на уничтожение партизанами двух автомашин и десятка солдат была не только сожжена деревня, но и расстреляно 150 ее жителей; кроме того, в течение нескольких дней расстреливали каждого прохожего, идущего по большаку через Стекланную Радицу¹⁴⁰.

В результате, испытывая страх перед партизанами и ответными репрессиями немцев, часть гражданского населения уже в первые месяцы оккупации выражала готовность к сотрудничеству с немцами. Так, в Дмитровском районе Курской области осенью 1941 г. крестьяне предъявили «ультиматум» одному из партизанских отрядов, потребовав прекратить всякую боевую деятельность. В противном случае угрожали выдать немцам расположение отряда. В результате 28 октября 1941 г. отряд сложил оружие, отказавшись от дальнейшей борьбы¹⁴¹.

Сокращение инфраструктуры, промышленности и, соответственно, рабочих мест также способствовало активизации коллаборационистских настроений. Так, за вторую половину 1942 г. в результате действий партизан из 32 школ Мглинского района 14 закрылось, убит 1 учитель. В том же районе партизанами были разгромлены 2 больницы¹⁴². За первое полугодие 1943 г. партизанами на территории Калининской области уничтожено промышленных предприятий: бригадой Вараксова – 4, бригадой Лисовского – 3, бригадой Шиповалова – 1, бригадой Буторина – 1¹⁴³. Лишенный работы персонал чаще всего был поставлен перед необходимостью трудоустройства в полицию.

В партизанском донесении от 10 июля 1943 г. различные аномалии партизанского движения называются одним из основных факторов, способствующих возникновению и развитию коллаборационизма в крестьянской среде¹⁴⁴. В частности, констатируется «исключительно

---

¹³⁶ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 59–61.

¹³⁷ Там же. Д. 21. Л. 33.

¹³⁸ Жуков Д. А., Ковтун И. И. Указ. соч. С. 16.

¹³⁹ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 30–30 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 30 об.

¹⁴¹ Жуков Д. А., Ковтун И. И. Указ. соч. С. 13.

¹⁴² ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

¹⁴³ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 152–152 об., 158; Оп. 1. Д. 583. Л. 56.

¹⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 25–26.

тяжелая обстановка» во взаимоотношениях партизан и населения, а также что «настроения населения значительно портят неправильные, по существу антипартизанские отношения к населению», «все это очень вредно отражается на настроении населения, вызывает законное недовольство»¹⁴⁵. В другом донесении указывается: «Грабеж партизанами населения, слабая забота об этом командования приводят к полному произволу. Отсюда массовые случаи воровства, незаконных обысков и изъятия продуктов и другого личного имущества населения. Все это ухудшает и без того тяжелое положение населения, что вызывает законное недовольство последнего»¹⁴⁶. Среди аномалий партизанского движения наиболее часто указываются случаи сожжения партизанами деревень, мародерство, изнасилования, увод женщин для сожительства, избиения и расстрелы мирных граждан¹⁴⁷. Причем указывается не на единичные факты, а на их массовость и повсеместность. Командир оперировавшей в брянских лесах бригады им. Ворошилова № 2 И. А. Гудзенко относительно грабежей населения партизанами его бригады выразился следующим образом: «Если я запрещу партизанам то, что они хотят, так они все разбегутся, и я останусь один»¹⁴⁸. Если верить показаниям допрошенного в немецком плену представителю Ставки ГК капитану А. Русанову, «бригада им. Ворошилова № 2 под командованием Гудзенко – только пример. Но грабят и все остальные, за очень редким исключением». Подобная деятельность была присуща и партизанским отрядам Д. В. Емлютина: «Население Курской и Орловской областей хорошо знает партизан Емлютина. Это банда насильников, грабителей, мародеров, терроризирующих местных жителей. Сам Емлютин – садист, живущий только убийствами»¹⁴⁹. Относительно реакции высшего партизанского руководства на подобные аномалии партизанского движения тот же А. Русанов показал: «Я неоднократно письменно и устно об этом докладывал. В последний раз Строкач мне сказал: «Оставьте это, все равно прекратить грабеж мы не сможем. Да и трудно сказать, принесет ли это пользу партизанскому движению»¹⁵⁰.

Необходимо отметить и эпизодическую деятельность так называемых лжепартизан, которые под видом советских партизан терроризировали население с целью активизации коллаборационистских настроений. В частности, на территории Калининской, Ленинградской, Новгородской областей действовал лжепартизанский отряд А. Мартыновского и И. Решетникова, входивший в структуру Истребительного соединения «Восток». В южной части Орловской области под видом красноармейцев-окруженцев и партизан действовала группа, называвшая себя «Двадцать пять»¹⁵¹.

Результатом подобной деятельности партизан и лжепартизан стало то, что гражданское население было вынуждено обращаться за помощью к той власти, которая существовала на тот момент, то есть к германским оккупационным инстанциям.

Население оккупированных областей РСФСР, по меткому выражению Д. Армстронга, оказалось «между двух огней»: «между немецким молотом и партизанской наковальней»¹⁵².

Оказавшееся под оккупацией население разделилось: часть его поддерживала советских партизан, другая часть – немцев. Согласно донесениям партизанских командиров, эффективной деятельности партизан мешает большое число предателей, сотрудничающих с оккупантами. Так, в одном из донесений от 23 ноября 1941 г. сообщается, что уже на тот период в районах Кингисеппа, Ораниенбаума, под Петергофом немцам помогает значительная часть

---

¹⁴⁵ Там же. Л. 25.

¹⁴⁶ Там же. Л. 52 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 26, 52 об.; Д. 15. Л. 16–17; Оп. 1. Д. 637. Л. 33 об. – 35.

¹⁴⁸ Цит. по: Гогун А. С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941–1944 гг. С. 22.

¹⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 28–29.

¹⁵⁰ Цит. по: Там же. С. 22.

¹⁵¹ Анищенко Е. Н. Указ. соч. С. 226.

¹⁵² Армстронг Д. Указ. соч. С. 410, 415.

населения, среди которого немало лиц, ранее репрессированных советской властью, а также бывших кулаков¹⁵³. В течение полутора лет отношение населения оккупированной части Ленинградской области к немцам не изменилось. По крайней мере, в ноябре 1942 г. комендант тылового района 18-й германской армии, в ведении которого находилась значительная часть Ленинградской области, отметил, что в результате ликвидации колхозов и создания из населения органов местного самоуправления «почти повсеместно стали выражаться воля и желание сотрудничать с нами»¹⁵⁴. То есть как немецкие, так и советские оценки масштабов и мотивов коллаборационизма, хотя в большинстве случаев и не приводят конкретных цифр, тем не менее в основном совпадают.

Весь комплекс указанных причин правомерно связать с самим характером тоталитарной системы СССР. В истории всех предыдущих войн, которые довелось претерпеть нашему государству, добровольное сотрудничество с врагом или не отмечено вовсе, или имело единичные проявления. Несмотря на тяжкое материальное положение некоторой части населения Российской империи в период монархии, российское общество было более монолитным. Будучи спаяно православной религией, верой в монарха как в помазанника Божия, население России было далеко от того, чтобы искать какие-либо иные идеалы. Ввиду всеобъемлющего влияния православия враждебные народы были для населения России прежде всего иноверцами. После 1917 г. в российском обществе произошел идейный раскол. Якобы имевшее место накануне Великой Отечественной войны единство советского народа рухнуло, когда после нападения гитлеровской Германии было поставлено под угрозу само существование государственной системы СССР. Невозможность найти положительный идеал у себя в стране привела к тому, что часть населения СССР идеализировала тех, кто шел войной против советского режима. Как вспоминал участник власовского движения профессор Ф. П. Богатырчук, «большевизм вытравил из нас всякий патриотизм, превратив когда-то столь любимую родину в страну, где возвеличивают чекистов, стреляющих в затылок нашим братьям и сестрам, и где ставят памятники павликам морозовым, выдающим своего отца на расправу кремлевским палачам»¹⁵⁵.

Итак, можно выделить ряд причин, толкнувших часть населения СССР на путь коллаборации с гитлеровской Германией:

- пораженческие настроения части населения СССР, развившиеся на фоне первых успехов германской армии и поражений РККА;
- антисоветские настроения, породившие намерения бороться против государственного строя СССР;
- насильственное привлечение к сотрудничеству с оккупантами;
- стремление получить определенные привилегии, причитающиеся лицам, вставшим на путь коллаборации: избежать угона на работу в Германию, избавиться от необходимости платить налоги, получить земельный участок и т. д.

Фактором развития коллаборационизма, бесспорно, явилось и то, что в первые месяцы войны германская пропаганда представляла войну против СССР как освободительный поход против коммунизма и в пропагандистских целях не выявляла своей враждебности к идее воссоздания свободной России¹⁵⁶.

Важно заметить, что какая-либо из названных причин не всегда выступала в чистом виде. В каждом конкретном случае могли присутствовать две и более причины коллаборации с немцами. Так, пораженческие настроения вполне могли сочетаться с антисоветскими убеждениями, с желанием выжить в условиях оккупации, получив в результате сотрудничества с нем-

¹⁵³ Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 288.

¹⁵⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 0—116. Оп. 9. Д. 651. Л. 38.

¹⁵⁵ Богатырчук Ф. П. Указ. соч. С. 156.

¹⁵⁶ А.П. Русский Корпус в Сербии // Часовой. 1971. Сентябрь. № 543 (9).

цами средства к существованию. Однако большинство причин коллаборации имеют общий корень, порожденный самой системой тоталитарного строя СССР. Вбив клин недоверия между властью и народом, развив в сознании части населения безразличие к судьбе своей страны, вылившееся в многочисленные случаи сотрудничества с внешним врагом, советская власть сама создала себе врагов в лице коллаборационистов.

Глава 2

Административный коллаборационизм

§ 1. Самоуправление на оккупированных территориях

Первым шагом в осуществлении колониальных планов в отношении населения РСФСР стало создание в занятых германской армией областях административного управления. На территории России оно имело некоторые особенности. В отличие от Прибалтийских республик, Белоруссии и Украины население РСФСР проживало в зоне военного управления. Это означало, что вся власть в тыловых районах германских армий находилась в руках начальников военной администрации, а власть на местах принадлежала полевым комендантам и начальникам гарнизонов. Это было вызвано спецификой той или иной местности. Так, ряд областей Центральной России, а также Белоруссии (Смоленская, Орловская, Витебская, часть Могилевской и Витебской областей) входил в зону ответственности группы армий «Центр». Ввиду этого на территории Смоленской и Орловской областей оказались сосредоточены основные силы группы армий «Центр». Только в границах Смоленской области на весну 1943 г. дислоцировались 57 немецких дивизий, 65 различных штабов, 32 крупных воинских склада¹⁵⁷. При таком положении полноправное управление со стороны каких бы то ни было гражданских институтов власти исключалось.

Немецкие коменданты с первых же дней оккупации провели на вверенных им территориях ряд мероприятий, закладывая основу для последующего функционирования гражданских структур власти. Они назначали ответственных работников органов самоуправления, издавали приказы о регистрации коммунистов и гражданского населения, давали распоряжения о прикреплении неработающего населения к биржам труда и т. д.

Введенное немцами территориально-административное деление в основных чертах соответствовало принятому при советской власти, за исключением того, что в ряде мест для удобства управления в пределах областей были созданы административные округа, включавшие несколько районов. Как правило, область делилась на пять-шесть округов, а количество районов в округе зависело от их размеров, объемов экономики и сельхозугодий. Районы в большинстве случаев были переименованы в уезды, а территории сельских советов – в волости¹⁵⁸.

Система управления указанными административными единицами в основном повторяла систему управления, принятую при советской власти, за исключением того, что вся местная гражданская власть курировалась немецкими комендатурами – военной и хозяйственной (Wirtschafts-kommandantur – WIKO). Через комендатуры проходили все приказы и распоряжения местных властей, за исключением военных, которые были вне компетенции органов местного самоуправления¹⁵⁹.

Первичной административной единицей была сельская община, существовавшая в пределах одной деревни. Членами общины являлись все жители деревни, постоянно в ней проживающие. Во главе ее стоял староста, который формально избирался населением, фактически – назначался германским командованием¹⁶⁰, иногда – районным бургомистром¹⁶¹. Выборы

---

¹⁵⁷ Виноградова О. «Новый порядок» в Смоленске // Любимая Россия. 2006. № 2 (3).

¹⁵⁸ ГАСО. Ф. 2361. Оп. 5. Д. 54. Л. 2–4.

¹⁵⁹ Шуляков В. А. Указ. соч. С. 25.

¹⁶⁰ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

¹⁶¹ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

старосты проходили на сельском сходе, присутствовали на котором только мужчины. Как правило, никто из избирателей не осмеливался голосовать против кандидатуры, предложенной немцами. В ряде местностей, например в западной части Орловской области, даже формальных выборов старост не проводилось. В должностной инструкции для бургомистров и волостных старшин указывалось, что «староста назначается и увольняется старшиной»¹⁶², который «несет ответственность за правильное назначение»¹⁶³. Партизаны, оперирующие в Калининской области, истолковывали выборность старост нежеланием местных жителей добровольно заступать на эти должности. Согласно одному из партизанских донесений, местные жители сел Идрицкого района ввиду этого избирали старост ежемесячно¹⁶⁴.

Нередки случаи, когда старостами становились не только лица, обиженные советской властью. По крайней мере, докладная записка представителя ПШ на Брянском фронте старшего майора госбезопасности Матвеева и заместителя начальника разведотдела майора Быстрова в ЦШПД от 1 декабря 1942 г. констатирует, что «обычно старостами немцы ставят... предателей из числа бывших советских работников – председателей колхозов, сельсоветов, бывших членов ВКП(б)»¹⁶⁵. Согласно той же докладной записке, «иногда сельские старосты избираются населением или назначаются немецкими властями из честных советских людей, пользующихся авторитетом у населения»¹⁶⁶. Согласно выводам А. Ю. Попова, определенная часть работников советского аппарата управления стала активно сотрудничать с оккупантами, а на должности старост довольно часто попадали именно председатели сельских советов и колхозов¹⁶⁷. Причем в некоторых случаях бывшие председатели колхозов сами предлагали немцам свои услуги, выдвигая свои кандидатуры на должности старост¹⁶⁸.

Сельский староста обычно имел в подчинении заместителя, писаря и одного – трех полицейских, являлся полным хозяином в своем селе, регулируя практически все стороны жизни населения. Так, без ведома старосты ни один житель села не имел права куда-либо выехать или пустить кого-либо переночевать. Староста и его подчиненные снабжались удостоверениями о том, что состоят на службе у немцев и имеют право передвижения на территории своей волости без пропусков¹⁶⁹. Кроме того, староста имел право свободного хождения по деревне в любое время суток, тогда как для остального населения покидать жилища разрешалось лишь в светлое время суток, как правило, до 18.00 часов зимой, до 21.00 часов летом¹⁷⁰. За свою службу староста и его аппарат получали зарплату, размер которой зависел от количества населения в деревне. Так, зарплата старосты колебалась от 300 до 450 рублей, заместителя – от 200 до 250 рублей, писаря – от 200 до 300 рублей, полицейского – 240 рублей плюс хлебный паек около пуда зерна в месяц. Печати сельский староста не имел, заверяя выдаваемые им документы либо своей подписью, либо своей подписью и печатью волостного управления¹⁷¹.

На сельского старосту возлагалась обязанность не только первичного учета населения, но и определения его политической благонадежности, для чего староста вел соответствующую учетную книгу. В отдельных селах старосты по своему личному произволу устанавливали тотальный контроль за всеми сторонами жизни населения, превзойдя в этом даже тоталитаризм, существовавший при советском режиме. Так, в ряде сел Хотынецкого района Орловской

---

¹⁶² ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 38.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Попов А. Ю. Указ. соч. С. 73.

¹⁶⁸ ГАТО. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151–152.

¹⁷⁰ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151–152.

области (Алехино, Суханка и др.) старосты запретили девушкам выходить замуж по собственному желанию, выдавая девушек замуж по своему усмотрению¹⁷². Что касается произвола со стороны сельских старост, он в ряде случаев также превосходил произвол советских председателей колхозов. Так, в Стародубском районе Орловской области старосты нашли оригинальный способ уклониться от продовольственного налога, распределив причитающийся с них и с полицейских налог между жителями сел¹⁷³. При сборе продналога старосты нередко допускали злоупотребления, завышая налог, свидетельством чему служат многочисленные письменные претензии со стороны волостных старшин и районных бургомистров. Так, старосте деревни Жуковка Унечского района Орловской области районный бургомистр Старовойтов писал: «Для Германской армии, по распоряжению начальника полиции, Вы должны были взять в каждом дворе по 1 гусю. Вы же у г-на Болшунова взяли 4 гусей, поэтому Вы должны выполнить распоряжение нач. полиции и возвратить ему 3 гусей»¹⁷⁴.

Однако фактически абсолютная власть старосты формально была ограничена, в частности, тем, что староста являлся лишь «исполнительным органом» волостного старшины и не имел права принимать самостоятельные решения, управляя только по указаниям и поручениям волостного старшины¹⁷⁵. В деревне, где жил волостной старшина, староста не назначался – его обязанности одновременно выполнял старшина¹⁷⁶.

Несмотря на большую власть, староста больше, чем кто-либо иной, подвергался опасности со стороны немецких властей. Так, за сбор и сдачу немцам урожая, за спокойствие населенного пункта от партизан отвечал, часто жизнью, прежде всего староста и его семья, а потом все село¹⁷⁷. Жители поселка Переторги Брянской области засвидетельствовали автору, как в одной из близлежащих деревень погибли двое немецких военнослужащих. Староста к этому был непричастен, напротив, был настроен резко антисоветски, свои обязанности исполнял с усердием. Тем не менее по приказу офицера СС немцы, собрав всех жителей, устроили показательную расправу над семьей старосты. Одну из дочерей старосты по приказу офицера публично обнажили, затем отрезали ей груди. По окончании издевательств вся семья старосты и он сам были расстреляны. В деревне Мякотино Погорельского района Калининской области 1 мая 1942 г. за непринятие мер к четверым жителям деревни, хранившим оружие, вместе с непосредственно виновными после издевательств повешены староста С. В. Махов и его помощник П. Ф. Безобразов¹⁷⁸.

Несколько населенных пунктов составляли волость, причем территория волости, как правило, соответствовала территории сельского совета. Волости возглавлялись волостными управлениями или волостными управами, руководили которыми волостные старшины. В ряде случаев в структуру волостных управ входили отделы, количество и наименования которых зависели от специфики той или иной местности. Так, каждая из пяти волостных управ Трубчевского района Орловской области включала административный, налогово-финансовый и полицейский отделы, по мере необходимости в каждой управе предусматривалось создание новых отделов¹⁷⁹. Волостные управы Брянского округа, согласно инструкции Главного военного управления округа от 21 декабря 1942 г., должны были включать отделы: администра-

---

¹⁷² *Партизаны Брянщины*. Т. 2. С. 66.

¹⁷³ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.

¹⁷⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

¹⁷⁵ Там же. Д. 21. Л. 14, 26.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ *Гогун А. С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941–1944 гг.* С. 23.

¹⁷⁸ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 9. Л. 103.

¹⁷⁹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

тивный, финансовый, полицейский, просвещения, питания, строительный, здравоохранения и ветеринарный, жилищный, социального обеспечения, торгово-промышленный¹⁸⁰.

На практике же отделы в составе волостных управ создавались редко. Обычно аппарат волостного старшины включал заместителя, писаря, мирового судью и начальника волостной полиции. Нередко в волостных управах работало всего по два человека – волостной старшина и его помощник, он же исполнял обязанности секретаря¹⁸¹. Что касалось полиции, она часто подчинялась непосредственно немецкой полевой полиции, а волостному старшине – лишь формально, на условиях договоренности¹⁸². Начальнику волостной полиции подчинялся отряд полицейских, численность которого определялась местными условиями и наличием мобилизационного контингента.

Волостной старшина являлся полным хозяином своей волости, проводя свою работу через старост и начальника полиции. Большую роль в управлении волостью играл и писарь, который нередко через голову старшины фактически руководил делами волости.

Что касается контингента волостных старшин, уже цитировавшаяся докладная записка Матвеева и Быстрова сообщает, что «на должность волостного старшины немцы назначают обычно людей, раньше работавших на партийно-советской работе (агрономы, землемеры, районные работники, председатели с/с, учителя) и хорошо знающих свой район... Кроме этих лиц на должность старшины назначаются люди, репрессированные органами Советской власти, или же открытые враги Советской власти и выходцы из других партий»¹⁸³. Так, согласно донесению политотдела 43-й армии от 30 апреля 1942 г., «на должность старшины Знаменского района Смоленской области был назначен предатель Чикачев К. Ф., бывший главный агроном райзо исполкома, член ВКП(б)»¹⁸⁴. В Калининском районе на 1 апреля 1942 г. из 138 колхозов 95 находились в оккупации, из их председателей только восемнадцать эвакуировались и пять находились в партизанах. Основная же часть председателей исполняли свои прежние обязанности в качестве старост и старшин. Так, старостой стал бывший председатель колхоза «Борьба» С. Харитонов, усердно выполняя все задания немецких властей. Бывший председатель Скворецкого сельсовета, член ВКП(б) Н. Лукин дезертировал из партизанского отряда, сдал оружие немцам и стал старшиной волости. Дезертировал из партизанского отряда и бывший председатель сельсовета Н. Назаров, также став волостным старшиной¹⁸⁵.

В обязанности старост и волостных старшин входили учет населения, земельных площадей, скота, разверстка и сбор налогов, шедших на нужды германской армии, обеспечение порядка в населенных пунктах, сбор оставленного при отступлении РККА оружия¹⁸⁶.

В некоторых волостях, до введения института мировых судей, волостным старшинам вменялось в обязанность наложение взысканий за совершение проступков, если таковые не преследовались законами германского командования. Так, на территории Брянского и Клиновского округов старшина имел право наложить штраф до 1000 рублей, приговорить к тюремному заключению или к принудительным работам на срок до 14 дней¹⁸⁷.

Следующей административной единицей был район или уезд, включавший, как правило, пять-шесть волостей. Во главе района (уезда) стояла районная (уездная) управа, возглавляемая районным бургомистром, аппарат которого включал заместителя, начальника полиции и заведующих отделами. Должности районных бургомистров в различных местностях назывались

---

¹⁸⁰ Там же. Л. 16 об.

¹⁸¹ ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

¹⁸² ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 12.

¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 152–153.

¹⁸⁴ Цит. по: *Пережогин В. А.* Вопросы коллаборационизма // *Война и общество*, 1941–1945: В 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 293.

¹⁸⁵ *Мангазеев И. А.* Коллаборационисты.

¹⁸⁶ *Ирлицин В. И.* Указ. соч. С. 143.

¹⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153–155; ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

по-разному: главы районов, начальники районов, старшины районов. Районному бургомистру подчинялись волостные старшины и бургомистры городов районного подчинения¹⁸⁸. Структурными подразделениями районных управ были отделы, число и наименования которых в различных районных управах различались. Так, Красногородская районная управа Калининской области включала семь отделов: местной промышленности, земельный, транспортный, здравоохранения, народного образования, финансовый, паспортный¹⁸⁹. Управа соседнего Торопецкого района включала шесть отделов: общий, финансовый, жилищный, хозяйственный, заготовок и сбыта, здравоохранения. Кроме того, в структуру районной управы входило подсобное хозяйство¹⁹⁰. В зависимости от местных условий, в районные управы могли входить и другие отделы, например общий, лесной, топливный и др.

На должности районных бургомистров и структурных подразделений райуправ обычно назначались лица из местного населения, преимущественно из числа советских и партийных руководителей. Однако при отсутствии или недостатке таковых на руководящие должности в райуправах назначались бывшие рабочие, колхозники. Так, упомянутую Красногородскую райуправу возглавил учитель пения П. И. Горицкий, его первым заместителем стал бывший член ВКП(б) И. В. Сатунин, вторым заместителем – бывший кулак, выселенный советской властью Федотов¹⁹¹. Исключение составляли должности начальников полиции, которые занимали в большинстве случаев лица с юридическим образованием, командиры Красной армии, попавшие в окружение¹⁹². В некоторых тыловых районах группы армий «Центр» практиковалось создание земств. Так, 33 волости Псковского района Ленинградской области были объединены в земство. Начальником земства был назначен некто Горчанский. Земская управа находилась в Пскове и включала следующие отделы: здравоохранения, народного образования, дорожный, ветеринарный, финансовый. Численность населения на территории земства с июня 1941 г. по конец мая 1942 г. увеличилась с 48 996 до 53 196 человек, причиной чему стал приток беженцев из окрестностей Ленинграда¹⁹³.

Как и волостные старшины, районные бургомистры имели право во внесудебном порядке накладывать наказания на лиц, совершивших проступки. Так, районные бургомистры Брянского округа могли накладывать штраф до 4000 рублей или определять тюремное заключение на срок до двух месяцев. Свои решения о наложении взысканий бургомистры районов были обязаны согласовывать с районной комендатурой, а если таковой в районе не было, подавать сведения о взысканиях в окружное управление¹⁹⁴.

Несколько районов (уездов) объединялись в округ, во главе которого стояла окружная управа, возглавляемая обер-бургомистром¹⁹⁵, ей подчинялись городские, районные и уездные управы, за исключением управ городов уездного подчинения. Обер-бургомистры назначались не только из числа местных жителей, но и из немцев. Управа состояла из отделов, соответствующих структуре уездной управы¹⁹⁶.

В границах прежних областей создавались губернии, однако не повсеместно, а лишь в пределах тех областей, которые были оккупированы полностью¹⁹⁷. В то же время сколько-либо значительных сведений о структуре и деятельности губернских управлений не сохранилось.

---

¹⁸⁸ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

¹⁸⁹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 122. Л. 8 об.

¹⁹⁰ Там же. Д. 1. Л. 2–3.

¹⁹¹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 122. Л. 8–8 об.

¹⁹² ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 152–153.

¹⁹³ ЦГАИПД СПб. Ф. 0—116. Оп. 9. Д. 661. Л. 1–4.

¹⁹⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 153–155.

¹⁹⁵ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 153.

¹⁹⁶ Там же. Л. 152.

¹⁹⁷ Там же.

Тем не менее есть данные о действовавших губернских управленческих структурах, которые, очевидно, рассматривались как почва для последующего создания губернских управ. Так, уже в 1941 г. в Орле начало работу Орловское губернское земельное управление, директором которого был назначен агроном И. Ф. Скворцов. В его подчинении были окружные и районные (уездные) земельные отделы. Работа управления курировалась Орловским губернским сельскохозяйственным штабом, возглавлял который комендант Дитмар¹⁹⁸. Что касается собственно губернских управ, в Орловской, Тульской, Ленинградской областях они так и не были созданы ввиду их частичной оккупации, причем несмотря на то что оккупация части Орловской области продлилась до 1943 г., а оккупация части Ленинградской области – до 1944 г.

Во главе города стояла городская управа, возглавляемая городским головой (бургомистром города)¹⁹⁹, который назначался германским командованием, а в случае самовывдвижения, практиковавшегося в некоторых городах, – утверждался комендатурой²⁰⁰.

Бургомистр был должностным и административным начальником всех подчиненных ему чиновников, подведомственных ему организаций и учреждений²⁰¹.

Городские управы включали в себя отделы, количество и наименование которых в различных городах различалось и зависело от ряда местных условий. Так, Калининская городская управа состояла из шестнадцати отделов, включая личную канцелярию бургомистра, штаб охраны (полицию) и отделы: административный, хозяйственный, технический, медико-санитарный, просвещения, связи, строительный, жилищный, лесопильно-топливный, автотранспортный, конно-транспортный, финансовый, промышленный, пропаганды²⁰². Структура Орловской городской управы выглядела несколько иначе, включая всего десять отделов: общий, финансовый, государственного страхования и обеспечения, здравоохранения, полиции, транспортный, заготовок и снабжения, просвещения, права и гражданства, городского хозяйства. Причем каждый отдел включал подотделы²⁰³. Количество отделов Брянской горуправы равнялось десяти: финансовый, образования и православия, заготовок, торговый, общественного питания, строительный, топливный, дорожно-хозяйственный²⁰⁴. Смоленская горуправа также включала десять отделов: административный, земельный, городского архитектора, природных хозяйств, торгово-промышленный, жилищный, общественного призрения, пожарный, финансовый, образования²⁰⁵.

В небольших по численности населения и объему промышленности и инфраструктуры городах количество отделов горуправ было еще меньшим. Так, Торопецкая горуправа Калининской области насчитывала шесть отделов: общий, финансовый, жилищный, городского хозяйства, охраны порядка, заготовок и сбыта²⁰⁶. Причем старшина города (бургомистр) одновременно управлял районом²⁰⁷. То есть система управления как районов, так и городов не отличалась единообразием, имея в каждом крупном населенном пункте специфические особенности, зависящие от местных условий. Штаты сотрудников горуправ также различались ввиду того, что каждый бургомистр, как правило, получал полную самостоятельность в формировании своего административного аппарата. Второй пункт изданного в декабре 1941 г. «Проекта схемы по организации Таганрогского городского управления бургомистерства» гласит: «Для

¹⁹⁸ Мартынов М. М. Это было в Орле. М., 1985. С. 450.

¹⁹⁹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

²⁰⁰ ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

²⁰¹ ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23–24.

²⁰² Там же. С. 142.

²⁰³ Там же. Л. 23–24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5, 21–22.

²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151–157.

²⁰⁵ «Новый порядок» в Смоленске // Любимая Россия. 2006. № 2 (3).

²⁰⁶ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

²⁰⁷ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

ведения городских дел бургомистр создает себе секретариат и управление и назначает потребное число заместителей»²⁰⁸. Иногда такая чрезмерная самостоятельность приводила к «раздуванию» штатов горуправ. Так, бургомистр Пятигорска М. Орлов сформировал штат горуправы в количестве 136 человек, не считая обслуживающего персонала²⁰⁹. Смоленская горуправа, созданная 25 июля 1941 г., вначале включала шесть служащих, а на 10 августа 1943 г. ее штат составил 250 человек²¹⁰. Однако в большинстве случаев штаты управ были максимально сжаты. Обычным было положение, когда в каждом отделе работало два – четыре человека. Лишь в некоторых отделах, ввиду их специфики, количество работников было больше. Так, штат упомянутой Торопецкой городской и районной управы включал 38 человек: общий отдел – 5 человек (бургомистр, секретарь, переводчик, машинистка, уборщица), финансовый – 2 человека (завотделом, кас сир-счетовод), жилищный – 3 человека (завотделом, бухгалтер, делопроизводитель), городского хозяйства – 4 человека (завотделом, заместитель, завскладом, рабочий), заготовок и сбыта – 12 человек (завотделом, технический работник, завскладом, помощник завскладом, конюх, 6 продавцов, мельник), подсобное хозяйство – 6 человек (заведующий, конюх, тракторист, механик, 2 сторожа)²¹¹. Включая 9 человек персонала больницы²¹², которые также формально относились к служащим управы²¹³, общее количество служащих управы города и района составляло 38 человек.

Городские и районные управы являлись исполнительными и распорядительными органами местного самоуправления. К исполнительным функциям относились работа полиции, финансовое и налоговое дело, помощь семьям рабочих, выехавших на работу в Германию, запись актов гражданского состояния, а также иные области деятельности, выходившие за пределы интересов города и имевшие общеокружное значение. К распорядительным функциям горуправы относились области работы чисто местного характера, не имевшие общеокружного значения²¹⁴. Однако в ряде городов и районов, особенно в первые недели и месяцы оккупации, функции органов местного самоуправления были настолько ограничены, что даже мелкие хозяйственные вопросы решались немецкими комендатурами. Так, в некоторых районах Калининской области на лето – осень 1941 г. комендатуры давали разрешение на занятие частным предпринимательством, сбор воска для производства церковных свечей и т. д.²¹⁵

Структурные подразделения районных и городских управ – отделы формально были равны. На практике же одни отделы имели приоритетное значение по сравнению с другими. Так, главным отделом, как правило, был общий (административный), который курировал работу других отделов, занимался подбором их персонала. Вторым по значимости являлся финансовый отдел, который, составляя бюджет горуправы и занимаясь распределением финансов, фактически сосредотачивал в своих руках все нити управления другими отделами.

Финансирование городских и районных управ осуществлялось за счет налогообложения населения. Причем иногда налоговый сбор, как это было в оккупированных районах Калининской области, устанавливался не органами

местного самоуправления, а немецкими комендатурами, составляя 40 рублей с каждого двора в месяц²¹⁶.

---

²⁰⁸ ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

²⁰⁹ ПГА. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 7. Л. 390.

²¹⁰ «Новый порядок» в Смоленске.

²¹¹ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

²¹² Там же. Л. 1.

²¹³ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

²¹⁴ ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23–24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5, 21–22.

²¹⁵ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 51, 53.

²¹⁶ ГАТО. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

В крупных городах, преимущественно областных центрах, сохранялось деление города на районы. Так, Брянск был разбит на районы: Брянск 1-й (Брянск Северный), Брянск 2-й (Брянск Южный), Урицкий завод, Толстовский поселок²¹⁷, Калинин – на восемь районов, в каждом из которых сформировались районные управы, которыми руководили старшины. Каждый район делился на участки, возглавляемые участковыми, выполнявшими полицейские функции. Участковые подчинялись одновременно старшине и начальнику штаба охраны городской управы, кроме того, имели прямую связь с гестапо. Участок, в свою очередь, делился на кварталы, каждый из которых возглавлял квартальный, ему подчинялись коменданты многоквартирных домов²¹⁸.

Подобное деление городов на кварталы и введение института квартальных старост практиковалось и в других местностях. Так, городской голова (бургомистр) северокавказского города Прикумск И. Четвериков приказом от 20 ноября 1942 г. организовал 6 квартальных управлений во главе с квартальными старостами. Они подчинялись непосредственно бургомистру, получали от него конкретные приказы. Канцелярия квартального управления включала, кроме старосты, писаря, получавшего месячный оклад в 200 рублей²¹⁹. Количество квартальных старост зависело от численности населения. Так, в Краснодаре один участковый староста назначался на 3000 человек населения²²⁰. Бремя содержания каждого квартального управления ложилось на местное население. Так, горуправа Прикумск выделяла на содержание каждого квартального управления всего по 50 рублей в месяц, а с каждого жителя старше 14 лет на содержание новой категории чиновников собиралось по 1 рублю в месяц²²¹. Помимо наделения квартальных старост обычными исполнительными функциями, горуправы намеревались с помощью этого нового института управленцев повысить ответственность населения за сохранность жилищного фонда, содержание дворов, водоемов и т. д. По оценке оккупационной прессы, работа квартальных старост в этом направлении давала хорошие результаты²²².

Контингент сотрудников органов местного самоуправления составляли, как правило, лица из местного населения²²³, а бургомистр города, согласно докладной записке Матвеева и Быстрова, «обычно импортируется из Германии из числа белогвардейцев или назначается из числа ярых врагов Советской власти»²²⁴.

Что касается использования в аппарате самоуправления русской эмиграции, такие факты были скорее исключением, нежели правилом. Так, еще до нападения Германии на СССР начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-лейтенант Альфред Йодль 3 марта 1941 г. подготовил для Гитлера документ, в котором о возможной роли эмиграции говорилось: «Бывшая буржуазно-аристократическая интеллигенция, если она еще и есть, в первую очередь среди эмигрантов, также не должна допускаться к власти. Она не воспримется русским народом, и, кроме того, она враждебна по отношению к немецкой нации. Мы ни в коем случае не должны допустить замены большевистского государства националистической Россией, которая в конечном счете (о чем свидетельствует история) будет вновь противостоять Германии»²²⁵. Относящаяся к началу 1942 г. информационная сводка штаба партизанского отряда им. Ворошилова, оперировавшего на юге Орловской области, сообщает, что «бургомистры назначаются из немцев, живших на территории Советского Союза, и из советской интеллигенции, которая

---

²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153.

²¹⁸ Ирлицин В. И. Указ. соч. С. 142–143.

²¹⁹ Прикумский вестник. 1942. 5 декабря.

²²⁰ Кубань. 1942. 22 апреля.

²²¹ Прикумский вестник. 1942. 5 декабря. Кубань. 1942. 22 апреля.

²²² Прикумский вестник. 1942. 5 декабря.

²²³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153.

²²⁴ Там же. Л. 153–155.

²²⁵ Цит. по: Млечин Л. М. Указ. соч. С. 387–388.

продалась немцам, изменив Родине»²²⁶. Так, бургомистром Брянска был назначен немец Карл Шифановский, а начальником топливного отдела Брянской горуправы – прибывший из Эстонии Альфонс Иванович Соц²²⁷.

Подбор руководящих кадров осуществлялся с учетом их опыта работы в той или иной отрасли, должностей, которые они занимали в советских учреждениях. Немаловажное значение имело их отношение к советской власти, причем предпочтение отдавалось пострадавшим от политических репрессий, бывшим членам других партий и фракций (меньшевикам, эсерам и т. д.). Некоторые авторы мемуаров ввиду этого пытаются объяснить наличие в аппарате местного самоуправления русских именно политической подоплекой. Так, бывший начальник Орловского УНКВД К. Ф. Фирсанов пишет: «С первых дней оккупации в городах и районах нашей области стала всплывать на поверхность разная нечисть: троцкисты, меньшевики, правые эсеры, кулаки и бывшие купцы... Вся эта немногочисленная, но очень озлобленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов»²²⁸.

Однако нередко были случаи, когда ответственные руководящие посты в аппарате самоуправления занимали бывшие советские и даже партийные работники, лица из числа советской интеллигенции. По утверждению А. Ю. Попова, представители советской интеллигенции стали основными кадрами органов городского самоуправления. Тот же автор отмечает, что в 1941 г. кадры органов самоуправления рекрутировались даже из партизан²²⁹. В частности, приказ № 17 по кавалерийской бригаде СС от 31 октября 1941 г. гласил: «Пленных партизан, производящих впечатление интеллигентных людей, сразу не следует расстреливать... их следует доставить в штаб бригады»²³⁰. Правоммерно предположить, что немцы знали о том, что сотрудники советского и партийного аппарата нередко с приходом немцев уходили в партизанские отряды. Следовательно, в ряде населенных пунктов на легальном положении оставалось гораздо меньше советских руководителей, нежели в рядах партизан, откуда их приходилось «извлекать» оккупантам, с последующим использованием не только для получения соответствующих сведений в ходе допросов, но и для формирования администрации самоуправления. Так, только в ветринской полиции (Калининская область) служило не менее двух бывших партизан: начальник 1-го отдела И. Липчик и полицейский И. Г. Урский²³¹. Любопытно, что в той же Калининской области нередко были случаи, когда гражданские должности в органах самоуправления занимали бывшие полицейские чины. В частности, бургомистр города Дриссы А. Козловский ранее служил начальником полиции деревни Россица, бургомистр Ветринского района Н. Копонов – начальником полоцкой полиции, волостной старшина Н. Спасибенок – полицейским в Польше²³².

Обзор кадрового состава органов местного самоуправления подтверждает мнение о наличии в числе руководителей немалого количества интеллигенции, советских и партийных работников. Так, первым бургомистром Новгорода был ученый-археолог В. Понамарев, до войны работавший научным сотрудником музея, бургомистром Пскова – учитель математики Черепенкин. Бургомистром Смоленска был назначен профессор физики и астрономии Б. Базилевский, его сменил известный в городе адвокат Б. Г. Меньшагин. Он приобрел популярность среди горожан ввиду того, что защищал крестьян в период коллективизации, а в ходе дела о вредительстве в животноводстве дошел до генерального прокурора А. Я. Вышинского,

---

²²⁶ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

²²⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153–155.

²²⁸ Фирсанов К. Ф. Указ. соч. С. 77.

²²⁹ Попов А. Ю. Указ. соч. С. 73.

²³⁰ Там же.

²³¹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

²³² Там же.

добившись отмены ряда смертных приговоров²³³. Заместителем бургомистра Брянска работал И. И. Плавинский, до оккупации служивший инженером дорожно-мостового отдела Брянского горсовета, финансовый и строительный отделы Брянской горуправы возглавляли члены ВКП(б) Дудкин и Мирошниченко соответственно. Отделом заготовок Брянской горуправы заведовал бывший заготовитель Брянторга С. Фабрикантов. Бургомистром Брянска Южного (один из районов Брянска) стал бывший инженер завода «Красный Профинтерн» П. Соколов, бургомистром Орджоникидзграда – бывший учитель Герасимов²³⁴. Бургомистром райцентра Погар Орловской области был назначен бывший директор МТС Шлапак, а начальником полиции в том же районе – бывший секретарь поселкового совета Синицкий²³⁵. Бургомистром Твери (оккупанты вернули Калининскому историческое название) стал бывший инженер коммунального хозяйства, офицер армии А. В. Колчака дворянин В. А. Ясинский²³⁶, бургомистром Пятигорска – главный врач курортного санатория М. Орлов²³⁷. Оккупированную часть Сталинграда возглавил бывший зав хирургическим отделением железнодорожной больницы врач Макушин²³⁸. Обзор списков лиц немецких пособников и формулярных дел органов НКВД дает основания утверждать, что не менее 30 % служащих аппарата самоуправления составляли советские и партийные работники. Так, из 140 «бывших немецких ставленников», взятых на учет Почепским РО НКВД Брянской области на 10 августа 1944 г., 50 человек – бывшие советские и партийные работники, 2 – крестьяне-единоличники, 13 – рабочие, 3 – безработные, 1 – официантка, 81 – рядовые колхозники²³⁹. Не менее интересно, что служащие аппарата самоуправления после оккупации в большинстве своем остались на ответственных должностях. В некоторых случаях заняли более высокие, нежели до войны, должности. Так, почепский учитель М. И. Полессков в период оккупации служил начальником паспортного стола, после освобождения Почепского района стал заведующим районным отделом народного образования. Бывшие счетоводы, писари, землемеры, служившие в оккупацию старостами, в большинстве стали председателями колхозов. А секретари сельских советов, бывшие в оккупацию волостными старшинами, в ряде случаев заняли должности председателей сельских советов²⁴⁰. Такой парадокс можно объяснить острой нехваткой руководящих кадров, в результате чего приходилось мириться с компрометирующим прошлым данной категории руководителей.

Однако следует отметить и другую сторону кадрового состояния органов самоуправления. Несмотря на немалое количество среди управленцев бывших советских и партийных работников, их было недостаточно для создания полновесных управленческих структур. Поэтому нередко на ответственные административные должности приходилось ставить простых рабочих и колхозников, ввиду чего кадровый состав органов местного самоуправления, хотя и отличается преобладанием советской интеллигенции, однако не менее чем на две трети копирует социальный состав той или иной местности²⁴¹.

Лица, осужденные за уголовные преступления, в аппарате органов самоуправления работали крайне редко. В этой связи часто встречающееся в советской литературе и исследованиях того периода утверждение, якобы на ответственные должности в период оккупации назначались преимущественно уголовники и маргиналы²⁴², не выдерживает серьезной критики.

---

²³³ Смыслов О. С. Указ. соч. С. 92–93.

²³⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153–156.

²³⁵ Абрамович И. Е. Указ. соч. С. 122.

²³⁶ Мангазеев И. А. Коллаборационисты.

²³⁷ ПГО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 7. Л. 390.

²³⁸ Смыслов О. С. Указ. соч. С. 98.

²³⁹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74–75 об., 76–81.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ ТЦДНИ, Ф. 479. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

²⁴² Шуляков В. А. Указ. соч. С. 25.

Значительное количество в аппарате самоуправления партийных и советских работников, согласно выводам А. Ю. Попова, впоследствии нередко использовалось советскими партизанами для насаждения своей агентуры²⁴³. Бывший начальник Орловского УНКВД К. Ф. Фирсанов в своих мемуарах указал, что в начальный период оккупации чекисты сосредотачивали свое внимание на том, чтобы парализовать деятельность низовой администрации. С этой целью старостам, старшинам и бургомистрам через партизанскую разведку передавались послания следующего содержания: «Мы не возражаем против того, что ты стал старостой, но не смей обижать советских людей, тем более семьи партизан. Кроме того, ты обязан помогать партизанам».

Если верить К. Ф. Фирсанову, многие старосты после этого действительно становились на путь сотрудничества с партизанами, саботируя мероприятия оккупантов по сбору продовольствия, оружия, отправки в Германию рабочей силы. Отказавшиеся от сотрудничества управленцы уничтожались партизанами²⁴⁴. Так, бывший председатель колхоза в деревне Дольская Трубчевского района Орловской области М. Морозов по заданию чекистов стал старостой. Уничтожив по заданию НКВД заместителя трубчевского бургомистра Павлова, М. Морозов организовал партизанский отряд и стал его командиром²⁴⁵. Бургомистром Дятьковского района Орловской области с согласия партизан стал Калашников, с помощью которого партизанам удалось выявить нескольких немецких агентов²⁴⁶. В полосе действия Калининского фронта, согласно докладу о состоянии разведывательной работы в партизанских бригадах КФ, на июнь 1943 г. агенты партизан из числа бургомистров, волостных старшин составляли довольно многочисленную группу – 47 человек, что уступало лишь количеству агентуры из числа крестьян (212 человек) и служащих германских учреждений (60 человек)²⁴⁷.

Что касается полномочий органов местного самоуправления, формально им была предоставлена полная самостоятельность, фактически же они стали послушным орудием в руках немецкого командования. Так, бургомистр Пятигорска, на первый взгляд, был наделен широкими полномочиями. В частности, мог во внесудебном порядке назначать виновным наказания до трех лет тюремного заключения. Однако управлять он мог только от имени комендатуры и под ее контролем. В приказе коменданта Пятигорска от 12 августа 1942 г. говорилось: «Все распоряжения и приказы бургомистра являются обязательными для населения и будут поддерживаться авторитетом германской армии»²⁴⁸. В Таганроге бургомистр отдавал приказы от имени германского командования, если приказ исходил не от комендатуры, а от бургомистра, в нижней части приказа обязательно ставилась отметка «просмотрено ортскомендантом» или «просмотрено: городской комендант»²⁴⁹. Подобное положение, а также тотальный контроль со стороны немецких комендатур в течение всего периода оккупации сохранялись и на других территориях РСФСР²⁵⁰. Так, в городе Торопа Калининской области по всем вопросам, даже хозяйственным, горуправление обращалось за разрешением к коменданту города. В частности, просило разрешить осмотр помещения, где хранятся рыболовные снасти, отпустить со склада масло для столовой и городской больницы, разрешить вывоз кормов для скота, выделить помещение для пожарной охраны²⁵¹.

---

²⁴³ Попов А. Ю. Указ. соч. С. 73.

²⁴⁴ Фирсанов К. Ф. Указ. соч. С. 67–68.

²⁴⁵ Слюнин В. Т. Указ. соч. С. 91.

²⁴⁶ Фирсанов К. Ф. Указ. соч. С. 68.

²⁴⁷ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11.

²⁴⁸ Пятигорское эхо. 1942. 18 августа.

²⁴⁹ Кубань в годы Великой Отечественной войны... Кн. 1. С. 460.

²⁵⁰ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11–11 об.

²⁵¹ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–24, 35.

Повсеместно практиковалась отчетность нижестоящих руководителей перед вышестоящими. Высшие должностные лица в системе самоуправления – бургомистры городов и районов – отчитывались перед немецкими военными и хозяйственными комендатурами. Исключение могли составлять лишь бургомистры, заслужившие полное доверие немецких властей²⁵².

В то же время недостаток советских руководящих кадров вынуждал бургомистров ставить на ответственные должности в городских и районных управах лиц, не имеющих опыта руководящей работы. Это, особенно в первые недели оккупации того или иного района, приводило к нечеткой работе отделов, плохой дисциплине среди сотрудников. Так, по Калининской области отмечалась халатность в работе руководителей отделов, плохое выполнение, а то и игнорирование распоряжений бургомистра, а также плохая организация работы отделов²⁵³. Зарегистрировано также полное игнорирование начальниками отделов распоряжений бургомистра, несмотря на неоднократные предупреждения²⁵⁴. О качестве работы должностных лиц органов местного самоуправления в тыловых районах группы армий «Центр» выразительно говорят итоги прошедшего 18 декабря 1942 г. проведенного хозяйственной инспекцией совещания, посвященного подведению итогов работы русских органов самоуправления за прошедший год. В частности, в докладе хозинспекции констатировалось невыполнение старостами и волостными старшинами своих обязанностей и содержались требования об устранении допущенных недостатков. Последние касались упорядочения вопросов уборки снега, сбора денежного налога, обеспечения школ топливом (дровами), обустройства беженцев, учета населения, обеспечения частей вермахта дровами²⁵⁵. Лишь в тех районах РСФСР, где оккупация приняла затяжной характер, работу органов самоуправления удалось наладить, несмотря на кадровый дефицит.

Помимо специфических должностных обязанностей, накладывавшихся на руководителей различных уровней, следует выделить и такую общую черту их деятельности, как осуществление учета населения, в первую очередь трудоспособного, контроль за его передвижением, что являлось одним из шагов осуществления восточной политики. Так, в городах и селах оккупированных областей первым шагом оккупантов и подчиненных им органов местного самоуправления стала перерегистрация населения, которая имела целью выявление наличия рабочей силы, национального состава населения, контингента, согласного сотрудничать с оккупантами, и партийно-советского актива. Так, в Брянске и Орле перерегистрация прошла в ноябре 1941 г. С этой целью все граждане, проживающие в городах, были обязаны явиться в городские управы с советскими паспортами. Там они заносились в книгу учета, а в паспорт ставился штамп. Лица, не имевшие советских паспортов (красноармейцы-окруженцы, отпущенные из лагерей военнопленные, беженцы, дезертиры из партизанских отрядов и РККА) получали временные удостоверения личности²⁵⁶.

После перерегистрации следовала перепрописка обладателей советских паспортов и временных удостоверений личности, которой занимался паспортный стол горуправы, непосредственно подчинявшийся начальнику полиции. Прописка производилась через уличного старосту, который с домовою книгой, имеющейся в каждом доме, и паспортом прописываемого являлся в паспортный стол, где в паспорт и домовую книгу ставился соответствующий штамп. С целью полноты учета населения органы местного самоуправления применяли к проживающим без прописки лицам штрафные санкции от денежного штрафа до тюремного заключе-

---

²⁵² ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

²⁵³ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

²⁵⁴ Там же. Д. 9. Л. 17.

²⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 0—116. Оп. 9. Д. 649. Л. 39.

²⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 154.

ния²⁵⁷. С этой же целью в июле 1942 г. в Орле и Брянске органы местного самоуправления провели вторичную перерегистрацию населения, в ходе которой наряду с пропиской в паспорте или временном удостоверении, выдаваемом на один год, ставился особый штамп о политической благонадежности. Всего имелось четыре группы, причем обладатели 4-й группы считались особо неблагонадежными и были обязаны еженедельно являться в полицию для отметки.

По распоряжениям немецких комендатур органы местного самоуправления следили за национальным составом населения, при этом особое внимание уделялось учету евреев и цыган. Горуправы составляли для представления в комендатуры подробные информационные сводки о количественном, половозрастном, профессиональном составе этих групп населения²⁵⁸. Практические меры по изоляции евреев возлагались бургомистрами на начальников органов полиции, причем подобные приказы бургомистры отдавали исключительно со ссылками на распоряжения немецких комендатур²⁵⁹.

В сельских населенных пунктах, жители которых не имели паспортов и каких-либо иных документов, удостоверяющих личность, перерегистрация населения проводилась путем опроса каждого²⁶⁰. К этой работе привлекались сельские старосты и волостные старшины.

Работа созданных на оккупированных территориях органов самоуправления позволила оккупантам обеспечить относительно нормальное функционирование всех отраслей хозяйства, включая промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру. Создание же вполне дееспособных властных структур стало возможным благодаря использованию большого количества бывших советских и партийных работников, избежавших эвакуации в советский тыл, деятельность которых дала оккупантам возможность наладить управление западными областями РСФСР. Правомерен вывод, что деятельность лиц, поступивших на службу к врагу в административной сфере, привела к тому, что оккупация России приняла затяжной характер. Так, германская армия, вторгшаяся в глубь СССР, не была вытолкнута оттуда, а получила приемлемые условия для снабжения, что обеспечивалось нормальной работой структур самоуправления, созданных из советских граждан. Однако при этом следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов, то есть тех, кто занял должности в аппарате самоуправления по заданию партизан либо советского подполья, оказывая при этом помощь в борьбе с оккупантами. Что касается тех, кто вступил на путь коллаборации с немцами в сфере управления, работал в структурах самоуправления, их деятельность недопустимо упрощать до банального предательства на фоне низменных чувств и оценивать исключительно в контексте помощи врагу и работы на оккупантов. В этом отношении нельзя пройти мимо мнения доктора исторических наук, профессора М. И. Семиряги, считавшего необходимым «четко различать деятельность уголовных элементов, наносящих ущерб стране, от хозяйственной деятельности, полезной для общества и невозможной без сотрудничества с оккупационными властями»²⁶¹. Нельзя не признать, что, сотрудничая с оккупантами, органы местного самоуправления тем не менее, пусть на минимальном уровне, обеспечивали быт оставшегося на оккупированной территории населения. Поэтому административный коллаборационизм в сфере управления нельзя рассматривать лишь как явление, нанесшее вред интересам нашей страны. Необходимо признать, что наряду с этим коллаборационисты-управленцы исходя из функций управленческих структур занимались также жизнеобеспечением населения, помогая ему перенести тяготы оккупации.

---

²⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 154.

²⁵⁸ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 15.

²⁵⁹ Там же. Л. 10.

²⁶⁰ Там же. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

²⁶¹ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. С. 633.

§ 2. Образование в условиях оккупации

В период оккупации была сохранена система образования, которая в то же время подверглась изменениям по сравнению с довоенной. К таковым относится сокращение численности учебных заведений, в том числе школ, уменьшение количества изучаемых дисциплин, корректировка учебных программ, введение изучения религии.

Планы гитлеровского руководства Германии не предусматривали сохранение на территории СССР довоенной сети образовательных учреждений. Напротив, генеральный план «Ост», отправные установки которого, разработанные Г. Гиммлером, были доложены Гитлеру 25 мая 1940 г., предусматривал уничтожение всякого образования на территории СССР, за исключением начального. По замыслу Гиммлера, программа русских начальных школ должна включать «простой счет, самое большее – до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным». Даже умение читать Гиммлер считал для русского населения излишним²⁶².

Однако практическая необходимость вынуждала оккупантов разрешить органам местного самоуправления сохранить систему образования в приемлемом для условий оккупации объеме. Выразительное объяснение этому дано в записке главного квартирмейстера группы армий «Север», подготовленной 3 мая 1943 г., в которой обобщается опыт работы с русским населением на предшествующие полтора года войны: «Поскольку трудовая повинность начинается только с 14-летнего возраста, молодые люди в городах в возрасте от 12 до 14 лет практически предоставлены самим себе, бездельничают, спекулируют или убивают время другими способами. Такое состояние является совершенно недопустимым. Оно дает возможность русским, избалованным очень дифференцированной советской школьной системой, говорить о разрушительной политике немцев в области культуры и способно создать прямую угрозу общественному порядку»²⁶³. Из текста записки явствует, что, сохраняя систему народного образования в своих тыловых районах, германские командиры преследовали две основные задачи: недопущение детской и подростковой преступности, бродяжничества, а также завоевание симпатий гражданского населения.

Система образования в ходе оккупации претерпела значительную эволюцию. При создании органов местного самоуправления в их структуру обязательно включался отдел просвещения или школьный отдел, в задачи которого входили обеспечение сохранности школьного имущества, учет педагогических кадров, поддержание порядка в учебных заведениях²⁶⁴. Однако ввиду того, что война с СССР не стала шестинедельным блицкригом, оккупантам пришлось настраиваться на долговременное сотрудничество с населением Советского Союза. Для этого были необходимы демонстрация внимания к нуждам населения, с одной стороны, а также эффективный контроль за настроениями населения, в первую очередь интеллигенции и молодежи, – с другой. Это достигалось путем воспитания советских граждан, в основном подрастающего поколения, в духе лояльности к нацистскому режиму, что осуществлялось посредством системы образования. С этой целью с весны – лета 1942 г. повсеместно началась работа по подготовке школ к учебному процессу. Данные о работе школ до этого периода практически отсутствуют.

В процессе подготовки отделами просвещения была проделана огромная работа, которая в первую очередь коснулась корректировки учебных программ. Так, в программу начального образования включалось не более семи предметов: русский язык (сюда же входили пение,

---

²⁶² Полтораки А. И. Нюрнбергский эпилог. М., 1989. С. 8.

²⁶³ Цит. по: Хасс Г. Германская оккупационная политика в Ленинградской области // <http://vivovoco.rsl.ru>

²⁶⁴ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 72.

рисование, чистописание), немецкий язык, арифметика, география, естествознание, рукоделие (для девочек) или труд (для мальчиков), физкультура. Почасовой объем обучения предусматривал 18 часов в неделю для учащихся 1-х классов, 21 час – для учащихся 2-х классов, 24 часа – для учащихся 3-х классов, 26 часов – для учащихся 4-х классов (приложение 1. Таблица 2)²⁶⁵. В изданном германскими властями «Предписании для учителей» содержатся конкретные требования к знаниям по тому или иному предмету, указания по их изучению. Так, в результате четырехлетнего изучения немецкого языка учащиеся должны уметь «изъясняться по-немецки в повседневной жизни», курс русского языка предусматривал овладение навыками чтения, грамматику рекомендовалось изучать «постольку, поскольку это необходимо для достижения указанной цели». В процессе обучения природоведению рекомендовалось заниматься «преимущественно теми животными, растениями и явлениями природы, с которыми детям придется иметь дело». Курс арифметики включал: для 1-х классов – действия с числами от 1 до 10, для 2-х классов – от 10 до 100, для 3-х классов – от 100 до 1000, в 4-х классах – от 1000 до любой величины. На уроках пения позволялось «петь только русские народные и церковные песни. Пение песен политического содержания воспрещается»²⁶⁶.

Наряду с корректировкой программ изымались предметы, которые отделы просвещения сочли ненужными. Так, в первой семилетней школе Брянска на 1942/43 учебный год было запланировано преподавание всего семи предметов: русского и немецкого языков, Закона Божьего, математики, физики, химии, географии²⁶⁷. Впоследствии в программу школ Брянского округа решили добавить еще четыре дисциплины: географию, историю, естествознание и обществоведение²⁶⁸.

В ряде школ вводился новый предмет – Закон Божий, к преподаванию которого привлекались наспех подготовленные для этой цели законоучители. Однако повсеместного охвата школ этим предметом не произошло, в основном из-за нехватки соответствующих учителей, а также из-за нежелания подрывать авторитет новой власти. Так, в Клинцовском округе, включавшем десять районов, окруж-

ной бургомистр Грецкий, выступая 18 мая 1942 г. на совещании районных бургомистров, выразил недовольство по поводу широкого охвата школ преподаванием Закона Божьего. При этом пояснил: «Хотя нет возражений против преподавания этого предмета, но за отсутствием в данное время квалифицированных преподавателей предлагается по принципиальным причинам воздержаться от преподавания этой дисциплины, чтобы не создавать ложного представления об учителе, так как эти же учителя в советской школе говорили совсем другое»²⁶⁹. К концу 1942 г. удалось наладить преподавание Закона Божьего в большинстве школ. В частности, на декабрь 1942 г. из четырех школ Брянска Закон Божий не преподавался лишь в школе № 3 по причине отсутствия преподавателя. В других трех брянских школах этот предмет вели женщины, выделенные церковной администрацией. В школах № 1 и 2 Закон Божий не входил в перечень обязательных дисциплин, его посещали лишь дети, родители которых выразили такое желание²⁷⁰. В некоторых оккупированных областях преподавание Закона Божьего в светских школах началось с еще большим опозданием. Так, в школах Смоленска этот предмет был введен лишь в мае 1943 г., преподавали его священнослужители церквей города. В частности, в школе № 3, по просьбе ее директора В. Н. Гришина, Закон Божий вел настоятель Гурь евской церкви Евгений Лызлов²⁷¹. Если верить оккупационной коллаборационистской прессе, пред-

²⁶⁵ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60 об.

²⁶⁶ Там же. Л. 61.

²⁶⁷ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 73.

²⁶⁸ Клич: Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 16 августа. № 32 (54).

²⁶⁹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 44 об.

²⁷⁰ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 81.

²⁷¹ Домбровская Е. В. На руке Закона Божиего // Новый путь. Смоленск. 1943. 30 мая. № 42 (164).

мет воспринимался школьниками с большим интересом, а их родители поддерживали введение Закона Божьего в школьную программу²⁷².

Особое отношение как у германских оккупационных властей (политического отдела), так и у отделов просвещения было к истории, как предмету идеологически нагруженному. Хотя ведущее место и отводилось истории России, однако учителям предписывалось делать основной акцент на положительные стороны европейской ориентации России. Например, при изучении колонизаторской деятельности самодержавия требовалось особо подчеркивать позитивные итоги переселения немецких крестьян в Россию. Необходимо было останавливаться на эпохе русского абсолютизма, истории развития крестьянства, крестьянских реформ. Обязательным разделом стало изучение истории христианства в России, его положительного влияния на все стороны политики и быта населения. Напротив, в ходе уроков, посвященных истории еврейства, от учителей требовалось не жалеть черной краски, освещая негатив, внесенный евреями в российскую историю²⁷³.

В ходе изучения тех или иных событий от учителей истории требовалось умение дать им нужную трактовку. В частности, уметь провести параллели между «созидающей» и «разрушающей» революцией. Под первой понимался приход нацистов к власти в январе 1933 г., под второй – приход к власти большевиков в октябре 1917 г. При этом учителю вменялось в обязанность разоблачать большевизм и марксизм «как чуждые и лживые доктрины»²⁷⁴.

Ввиду всего этого к историкам-предметникам предъявлялись особые требования, им необходимо было иметь «культурную зрелость и наличие знаний европейской культуры»²⁷⁵. С этой целью на различных учительских комиссиях в повестку дня включались доклады с критикой марксистских основ истории. Попутно из учебников и программ изымался весь тенденциозный материал, например восхваляющий советский строй. Однако учителей, полностью удовлетворяющих предъявляемым требованиям, остро не хватало, поэтому в ряде школ предмет истории вообще не включался в программу²⁷⁶.

Обучение школьников в большинстве случаев производилось по советским учебникам, которые по указанию местных комендатур подвергались корректировке. В частности, из всех учебников, даже математических задачников, исключались неологизмы, возникшие при советской власти. Например, производилась следующая замена слов: «колхоз» – «деревня», «колхозник» – «крестьянин», «товарищ» – «гражданин», «господин», «СССР» – «Россия», «советский» – «русский» и т. д.²⁷⁷ К этой работе привлекались коллаборационисты из числа школьных учителей и руководящих работников отделов просвещения городских и районных управ. Так, в Брянске накануне нового учебного года, в августе 1942 г., при школьном отделе Брянской окружной управы приступила к работе Особая комиссия по корректированию программы и пересмотру школьных учебников, созданная из городских и сельских учителей. По сообщению прессы, «на долю этой комиссии выпала большая работа по очистке программы и учебников от всякого коммунистического хлама и подбору более ценного материала»²⁷⁸. Лишь в северных областях РСФСР для русских школ использовались изданные в Риге учебники. Тиражи были недостаточными, ввиду чего при распределении учебников по школам один учебник приходился на трех учащихся²⁷⁹. Однако ввиду недостатка новых учебников и запрета использова-

---

²⁷² Там же.

²⁷³ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 79.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же. С. 80.

²⁷⁷ От ЧК до ФСБ. С. 273.

²⁷⁸ Клич. Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 16 августа. № 32 (54).

²⁷⁹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

ния советских немало школ, в частности Калининской области, осуществляли лишь словесное обучение – без учебной литературы²⁸⁰.

Значительное место уделялось воспитательной работе, которая в основных чертах копировала воспитательную работу, существовавшую при советской власти, изменения коснулись лишь ее идеологической направленности. Так, на оккупированной территории Калининской области обязательными стали регулярные беседы на темы «Германия – освободительница русской земли от большевистского ига», «Чтение биографии Адольфа Гитлера». В одном из планов воспитательной работы 4-го класса говорилось о необходимости «прививать навыки духовной культуры: а) повседневно следить и требовать от детей вежливого отношения к учителям, к родителям, ко всем старшим, особенно к германскому командованию, германским солдатам; б) научить молиться Богу путем активного участия на общей линейке утром и после уроков на молитве в классе; в) научить детей благоговейно относиться к иконам и церкви путем бесед в четверг на каждой неделе»²⁸¹. Однако основная ориентация делалась на положительный пример Германии. Так, в плане воспитательной работы 5-го класса на этот счет говорилось: «В ежедневной работе с классом подчеркивать разницу в зажиточной, культурной и счастливой жизни рабочих и крестьян новой Европы и закрепощение их в советской России благодаря методам марксизма. Прививать любовь к труду, особенно к труду крестьянина, указав, что в Германии работа крестьянина почетна и трудовая повинность обязательна»²⁸².

Соответствующей идеологической обработке подвергался и педагогический персонал, которому вменялось, в добровольном или принудительном порядке, следовать установкам оккупационных властей и органов местного самоуправления. В изданном германскими властями «Предписании для учителей», в частности, говорится: «Учителя обязаны во всех отношениях считаться с интересами германских военных властей, нарушение этого принципа будет считаться саботажем и караться по законам военного времени»²⁸³. Так, в Орле учителя, даже неработающие, были обязаны прослушать «Курс педагогической переподготовки»²⁸⁴. В Ржеве Калининской области работу школ контролировал представитель комендатуры оберлейтенант Роланд Фрейгерг. Он надзирал за настроениями учителей, особенно преподававших идеологически нагруженные дисциплины – литературу, историю, обществоведение, географию. Проводя собрания учителей, он внушал, что «ничего коммунистического, советского не должно быть. В советской школе нет порядка. Ученики недисциплинированны, невоспитанны и безграмотны»²⁸⁵. В Брянске для учителей открылась специальная политическая школа, контролировал работу которой офицер гестапо, историк по образованию, Ферч. Штат сотрудников политшколы включал начальника, библиотекаря, лекторов, работников канцелярии – всего пять-шесть человек. Помимо привития интеллигенции нужной идеологии, школа готовила кадры пропагандистов, для чего организовывались курсы, программа которых предусматривала усвоение десяти тем соответствующей направленности: «Биография А. Гитлера», «Новая Европа», «Расы и расовая теория» и т. д.²⁸⁶ Политшкола стала в некотором роде координирующим центром, ответственным за проведение мероприятий, направленных на политическую переподготовку учителей, составление учебных планов. В дальнейшем на базе политшколы планировалось открыть курсы для учителей, где бы они получали знания о Германии и национал-социализме²⁸⁷. Кроме того, использовались иные методы идеологического воздействия

---

²⁸⁰ Там же. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

²⁸¹ От ЧК до ФСБ. С. 273.

²⁸² Там же.

²⁸³ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61.

²⁸⁴ Верт А. Указ. соч. С. 502.

²⁸⁵ ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию / Неизвестный автор (рукопись).

²⁸⁶ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 82.

²⁸⁷ Там же. С. 77.

на учителей. Так, 26–28 сентября 1942 г. в Брянске прошла учительская конференция. В прозвучавшем на ней докладе «О задачах новой школы» инспектор окружной управы отметил, что объем знаний остается прежним, но меняется их идеологическая направленность. В ходе работы учительских предметных секций просматривались учебные программы, из них изымался идеологически неприемлемый материал. Так, из программ начальных классов изымались все коммунистические песни, в частности «Марш октябрят»²⁸⁸. Учителям же «рекомендовалось» больше знакомить учащихся с бытом германского рабочего²⁸⁹. 18 января 1943 г. начали работу десятидневные курсы для учителей, преподававших историю в школах Брянского округа²⁹⁰.

Однако, несмотря на тотальный идеологический контроль, зарегистрированы случаи отклонений от предписанных нацистами постулатов. Так, в школах Брянска имело место пение «Интернационала»²⁹¹, в школах Пскова были в ходу пионерские песни, а также «Тачанка»²⁹². В начальной школе деревни Лубенск Локотского округа, по свидетельству местной жительницы Т. Н. Гришаевой, учащиеся, воспользовавшись отсутствием учителя А. В. Шубина, обстреляли из рогаток и продырявили висевший в классе портрет Гитлера.

Что касается контингента коллаборационистов в сфере образования, его составляли в основном бывшие учителя, методисты, директора школ, сотрудники РОНО, которых за линией фронта осталось достаточное количество. Так, в Ржевском районе было зарегистрировано 150 учителей, из них 40 – в Ржеве. Директором открывшейся в период оккупации гимназии № 1 Ржева стал бывший директор средней школы № 8 Е. И. Гаврилов, завучем – бывший директор средней школы № 5 А. И. Милославский²⁹³. В Новоржевском районе Ленинградской области, население которого составляло 100 тысяч человек, в период оккупации в 55 начальных школах работало 115 учителей²⁹⁴. По Почепскому району Орловской области из 2498 рабочих и служащих 216 человек составляли учителя, то есть педагогических работников было 8,6 % от общего количества трудящихся²⁹⁵. Подавляющее большинство оставшихся за линией фронта учителей добровольно встало на путь коллаборации, по крайней мере, острого недостатка в педагогических кадрах не было. В некоторых случаях в сфере образования трудились литераторы, работники культуры. Так, Новгородский отдел народного образования возглавил писатель и поэт А. Егунов, творивший под псевдонимом Андрей Николев, автор вышедшей в 2002 г. книги «Елисейские радости»²⁹⁶.

В то же время немало педагогических работников, за недостатком рабочих мест в системе образования, было вынуждено устраиваться на ответственные должности в органы местного самоуправления или немецкие комендатуры. Так, в Красногородском районе Калининской области начальником паспортного стола районной управы служила педагог-орденоносец М. В. Виталева, заведовала женским отделом районной биржи труда педагог, комсомолка В. С. Карузина²⁹⁷. Они же являлись оплачиваемыми немецкими агентами²⁹⁸. Учитель

---

²⁸⁸ Там же. С. 75–76.

²⁸⁹ Там же. С. 76.

²⁹⁰ Там же. С. 82.

²⁹¹ Там же. С. 80.

²⁹² Полчанинов Р. В. Псковское содружество молодежи // Под оккупацией: Сб. статей / Под ред. Б. С. Пушкарёва. М.: Посев, 2004. С. 107.

²⁹³ ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию.

²⁹⁴ Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

²⁹⁵ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

²⁹⁶ А. Егунов родился в дворянской семье, был связан с поэтом А. Блоком. Первое произведение – авторизованный перевод «Законов» Платона. В 1933 г. арестован за участие в работе неофициального молодежного литературного кружка «Осьминог», отбыл три года ссылки в Западной Сибири. После войны осужден на десять лет лагерей за сотрудничество с оккупантами, после освобождения работал в Ленинграде в Пушкинском Доме.

²⁹⁷ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

М. И. Полессков в оккупацию заведовал паспортным столом Хомутовского района Курской области, педагог И. Е. Трощановский работал секретарем заместителя бургомистра Почепского района Орловской области²⁹⁹. Однако основную массу неработающих учителей использовали на физических работах: по строительству дорог, на лесоразработках, на разгрузке вагонов и т. д.³⁰⁰ Иногда работающие, но свободные от занятий учителя, например в дни каникул, также могли быть использованы на физических работах по распоряжению бургомистров и волостных старшин³⁰¹. Учителя, неспособные к физическому труду, нередко были вынуждены нищенствовать, побираясь по деревням³⁰².

Материальный уровень вставших на путь коллаборации педагогов на протяжении всего периода оккупации оставался крайне низким. В частности, зарплата учителей школ Калининской области составляла в среднем 300 рублей в месяц. Кроме того, калининские педагоги получали по 200 г хлеба в день³⁰³. Учителя школ Брянска – 400 рублей в месяц, а также 150–200 г хлеба в день плюс 100 г на иждивенца³⁰⁴. Иногда один раз в месяц учитель получал 100 г соли и 200 г маргарина³⁰⁵. Предусматривались и различные денежные надбавки: за проверку тетрадей – 10 руб лей, за классное руководство – 30 рублей, директорам семилетних школ – 15 % от ставки, начальных – 10 %³⁰⁶. Для учителей со стажем более 25 лет предусматривалась 50 %-ная надбавка. Между тем зарегистрированы случаи, когда районные бургомистры превратно истолковывали это положение, разъясняя заслуженным педагогам, что педагогический стаж, выработанный в советской школе, не в счет – 25 лет надо проработать при «новой власти»³⁰⁷. После вмешательства отделов просвещения недоразумения, как правило, устранялись. По сообщению начальника отдела просвещения Клинцовского округа Водункова, сделанному на окружном собрании бургомистров 19 октября 1942 г., нередки случаи, когда учителям, проболевшим три-четыре месяца, местные органы самоуправления отказывались выплачивать пособие³⁰⁸.

Таким образом, педагоги, согласившиеся работать для «новой власти», являлись одной из самых низкооплачиваемых категорий коллаборационистов – их оклады уступали даже окладам мелких служащих и неквалифицированных рабочих.

Что касается количества школ, оно повсеместно сократилось в результате разрушения школьных зданий в ходе военных действий и их использования не по назначению. Так, по воспоминаниям бывших ржевских школьников, после оккупации Ржева в городе открылось 2 гимназии и 4 народные (начальные) школы, тогда как до войны по городу действовало не менее 8 школ. В ряде местностей, например в Орле, в Новоржевском, Псковском районах Ленинградской области, действовали лишь начальные школы³⁰⁹. Причем их количество, равно как и количество учащихся, в ряде мест резко сократилось. В частности, согласно партизанскому докладу «Об итогах развития партизанского движения» от 1 августа 1943 г., в оккупированных районах Калининской, Ленинградской, Смоленской областей до войны в пределах территории одного сельсовета имелось 5–7 начальных школ с общим числом учащихся до 500 чело-

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.

³⁰⁰ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

³⁰¹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

³⁰² ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 82.

³⁰⁵ ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 136. Л. 11.

³⁰⁶ ЦНИБО. Ф. 1762. Оп. 1. Д. 14. Л. 118.

³⁰⁷ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Верт А. Указ. соч. С. 502; Полчанинов Р. В. Указ. соч. С. 104; Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

век. В период оккупации в пределах каждой волости действовало по одной начальной школе с количеством учащихся 20–30 человек³¹⁰. Так, согласно тому же докладу, в Невеле до войны действовали педучилище, медтехникум, 4 средние школы, школа механизации и сельскохозяйственных кадров. В период оккупации в Невеле работала лишь одна начальная школа³¹¹. В Себежском районе Калининской области до войны действовало 5 средних, не менее 7 неполных средних и 12 начальных школ, зоотехникум, ветеринарная школа, в которых обучалось около 7000 человек. В период оккупации в районе сохранились лишь две начальные школы, которые посещало 190 учащихся³¹². В Опочечком районе сохранилось 30 % довоенных школ³¹³.

Лишь в немногих местностях сохранность системы школьного образования выглядела относительно благополучно. В частности, на территории Понуровского района Клинецкого округа (Орловская область) на ноябрь 1942 г. действовало 49 школ, из них средних – 8, неполных средних – 13, начальных – 28. В них работало 226 учителей, школьным образованием было охвачено 6354 учащихся, постоянно посещали школы 4650 учащихся³¹⁴. При этом население района составляло 34 743 человека, из них детей – 12 062 человека³¹⁵. Если предположить, что около половины этого количества составляли дети дошкольного (до 7 лет) и послешкольного (старше 14 и 16 лет) возраста, то охват детей школьным обучением был практически 100 %-ным. На территории восьми районов Локотского округа, население которого составляло 581 тысячу человек, действовало 345 школ, из них 10 средних, в которых обучалось 43 422 учащихся, учебный процесс осуществляли 1338 учителей³¹⁶. Только по Навлинскому району, включавшему 6 волостей, на ноябрь 1942 г. действовало 22 школы, из них одна средняя³¹⁷. В неполной средней школе № 1 Брянска обучалось 600 учащихся, распределенных по 15 классам³¹⁸. По Мглинскому району Орловской области на август 1942 г. на 60 тысяч человек населения действовало 24 школы, вскоре их количество было доведено до 50³¹⁹. В Стародубском районе на ноябрь 1942 г. работало 70 школ, с педагогическим персоналом проблем не было³²⁰.

В некоторых местностях, например в Смоленском районе, недостаток школьных зданий покрывался созданием «школ на воздухе», в которых занятия проводились под открытым небом, причем летние каникулы, в связи с необходимостью использования теплого времени года, отменялись³²¹.

Финансирование работы школ осуществлялось из бюджетов соответствующих органов местного самоуправления – городских и волостных управ. С этой целью население облагалось соответствующим налогом. Кроме того, с родителей, допускающих пропуски их детьми школьных занятий без уважительных причин, взимались штрафы. Их размер в различных местностях колебался от 100 рублей (Калининская область)³²² до 500 рублей (Локотской округ)³²³. К таким мерам местные власти подталкивала низкая посещаемость школ, срывы занятий по этой

³¹⁰ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

³¹¹ Там же. Л. 60 об.

³¹² Там же. Д. 22. Л. 45 об.

³¹³ Там же. Д. 15. Л. 222 об.

³¹⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 248 об.

³¹⁵ Там же. Л. 42.

³¹⁶ Голос народа. 1942. 5 ноября. № 28.

³¹⁷ Голос народа. 1942. 15 ноября. № 30.

³¹⁸ Речь. 1942. 13 июня.

³¹⁹ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.

³²⁰ Там же. Д. 21. Л. 33.

³²¹ Клич: Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 26 июля. № 29 (51).

³²² ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

³²³ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20. Л. 24; Ермолов И. Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 74–75.

причине. Так, в начале декабря 1942 г. обер-бургомистр Локотского округа Б. В. Каминский констатировал, что бургомистры, волостные старшины и старосты не уделяют сфере образования должного внимания, в результате занятия, особенно в 5–7-х классах, срываются. В соответствии с приказом № 36 от 12 декабря 1942 г. только по Брасовской волости было оштрафовано 45 семей на 500 рублей каждая. Одновременно предписывалось привлекать к уголовной ответственности родителей, которые и после уплаты штрафов будут препятствовать детям посещать школы. Такое же наказание грозило руководящим работникам и директорам школ, допустившим срыв учебных занятий³²⁴. В соответствии с приказом Кудеверьской районной управы (Калининская область) от 1 октября 1942 г., детей, склонных к пропускам занятий, в школы доставляла полиция в принудительном порядке³²⁵. Одним из источников финансирования являлось введение в ряде школ платы за обучение. Так, в школах Брянска за обучение одного ребенка взималось 60 рублей, за второго и последующих родители доплачивали еще 30 рублей³²⁶. Платное обучение сохранялось и в ряде оккупированных районов Калининской области, в частности в Ржевском. Причем в случае закрытия школы внесенная плата не возвращалась³²⁷.

Одной из характерных черт народного образования была его нестабильность. Так, в ряде школ занятия постоянно приостанавливались, иногда на несколько месяцев. Так, открытая в Ржеве гимназия № 1 проработала всего три дня – с 1 по 3 декабря 1941 г., одна из четырех народных (начальных) школ была через несколько дней закрыта из-за плохой посещаемости³²⁸. Школа № 1 Брянска, открытая 13 июня 1942 г., в августе того же года приостановила свою работу, школа № 2, занятия в которой начались 30 июня 1942 г., также приостановила работу в августе³²⁹. Подобное положение складывалось в оккупированных районах Калининской области, где занятия в школах то и дело прерывались³³⁰.

Наряду со светским школьным образованием, находящимся в ведении органов местного самоуправления, определенное развитие получила система школьного образования, созданная православной церковью. Это касалось не только создания церковных общеобразовательных школ, но и преподавания в светских учебных заведениях религиозных дисциплин не школьными учителями, а священнослужителями. Наиболее характерны в этом отношении мероприятия, проводившиеся на территории, контролируемой Псковской православной миссией под управлением экзарха, митрополита Сергия (Воскресенского). Так, в течение 1942 г. при псковской церкви Преподобного Варлаама Хутынского действовала организованная священником Константином Шаховским общеобразовательная (вероятно, начальная) школа. В ней обучалось 80 учащихся. В Пушкиногорском районе 17 начальных школ организовал священник Владимир Толстоухов, в Красногородском районе действовало 15 начальных школ, курировал которые священник-миссионер Федор Ягодкин³³¹. По распоряжению управления миссии, изданному по инициативе немецкой оккупационной администрации, настоятелям храмов вменялось в обязанность, организуя церковные школы, проводить обучение не только религиозным, но и светским дисциплинам: «Обучать сверх всего детей... правильному разумению цер-

³²⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20. Л. 24; Ермолов И. Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 74–75.

³²⁵ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

³²⁶ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 73.

³²⁷ ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 73.

³³⁰ ТЦДНИ. Ф. 479, Оп. Д. 16. Л. 105.

³³¹ Неподкосов С. Второе крещение Руси. Деятельность Православной Миссии на оккупированной территории Северо-запада России (1941–1944 гг.) // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 36.

ковных обрядов, чтению, письму и др. предметам, полезным в общежитии»³³². Любопытно, что взимание платы за обучение в школах, находящихся под юрисдикцией церкви, строго запрещалось, что открывало для детей широкие возможности для получения школьного образования³³³.

В 1942 г. Закон Божий как обязательный предмет был введен, в частности, в Псковской художественной школе, его преподавал священник-миссионер Георгий Бенигсен³³⁴. В этом учебном заведении насчитывалось на 1942 г. 60 учащихся в возрасте от 17 до 22 лет. В конце 1942 г. школа закрылась ввиду того, что лица старше 12 лет, включая учащихся, были обязаны нести трудовую повинность³³⁵.

Помимо школьного образования, в период оккупации предпринимались попытки создания системы профессионального образования.

Оно было ориентировано в основном на подготовку специалистов рабочих профессий и лишь в незначительной степени – интеллигенции. Характерной чертой деятельности профессиональных учебных заведений стало максимальное сокращение теоретического курса, большой объем практического обучения, в процессе которого учащиеся фактически использовались в качестве рабочей силы. Так, на территории Орловской области в период оккупации действовало пять средних профессиональных учебных заведений: Севское педагогическое училище, Унечское ремесленное училище, Севское ремесленное училище, Понуровская ремесленная школа³³⁶, краткосрочные курсы по подготовке агрономов. Открывшееся в 1942 г. Унечское ремесленное училище готовило столяров, плотников, бондарей, токарей по дереву. При трехгодичном сроке обучения лишь первый курс был запланирован для изучения теоретических дисциплин, после чего учащимся присваивали разряды и направляли на деревообрабатывающие предприятия для прохождения практики³³⁷. Подобной направленностью отличался процесс обучения в Севском ремесленном училище, курс обучения в котором был рассчитан на два года. 70 учащихся, распределенных по трем слесарным группам, занимались в основном практической работой – изготовлением слесарных инструментов³³⁸. Севское педучилище готовило лишь кадры учителей для начальных школ³³⁹.

В тыловых районах группы армий «Север» была предпринята попытка соединить среднее школьное образование с профессиональным. Один из нормативных документов германского командования – записка «Расширение школьной системы», подписанная 30 июня 1943 г. начальником Генштаба группы армий «Север» генерал-лейтенантом Э. Кинцелем, направленная командованию 16-й и 18-й армий и командующему тыловым районом, указывает на недостаточность образования в объеме четырехклассной школы. Тут же обосновывается необходимость создания наряду с начальными средними школами со сроком обучения два-три года с введением в программу профессиональной подготовки, рассчитанной на один – три года. Составитель обосновывает причины такого решения, указывая на необходимость профессионального образования «в интересах достаточной предварительной профессиональной подготовки подрастающего поколения, а также исходя из общих политических соображений»³⁴⁰. В приложенной к документу записке того же Э. Кинцеля, датированной 14 августа 1943 г., говорится о создании комиссии из восьми русских учителей, на которых возлагалась обязанность

---

³³² ГАПО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

³³³ Там же.

³³⁴ *Неподкосов С.* Указ. соч. С. 36.

³³⁵ Там же.

³³⁶ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 260.

³³⁷ Там же. Д. 2. Л. 192.

³³⁸ Севский листок. 1942. 14 октября. № 8.

³³⁹ *Ермолов И. Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 76.

³⁴⁰ *Хасс Г.* Указ. соч.

подготовки программ средних школ³⁴¹. Однако введение в действие профессионального образования в составе среднего не осуществилось ввиду окончания периода оккупации северной территории РСФСР.

Что касается высшего профессионального образования, оно на оккупированных территориях РСФСР так и не возродилось – ни одно из высших учебных заведений не возобновило свою работу в период оккупации. В лучшем случае на базе вузов создавались курсы по подготовке специалистов, в основном сельскохозяйственного и промышленного профиля. Так, на базе Смоленского сельскохозяйственного института открылись курсы агрономов. Лекции читали как избежавшие эвакуации профессора и доценты сельхозинститута, так и посещавшие Смоленск специалисты из Германии. Первый набор слушателей прошел двухмесячный срок обучения (с ноября 1942 г. по январь 1943 г.), затем срок обучения сократили до одной недели. В ходе обучения курсантам читали лекции о порядке землепользования, о климате и почве, о новых мероприятиях по увеличению урожайности, о задачах сельскохозяйственных управлений³⁴². Подобной реорганизации подверглись и другие вузы на оккупированной территории РСФСР, поэтому применяемый по отношению к ним в коллаборационистской печати термин «институт»³⁴³ ни в коем случае не отражал действительного состояния этих учебных заведений.

Таким образом, система образования в условиях оккупации прошла эволюцию от надзора за сохранностью школьных и иных учебных помещений до активного использования образовательной сферы в интересах нацистской пропаганды. Политика оккупантов была направлена не просто на искоренение из школы коммунистической идеологии, она преследовала цель установления эффективного контроля за настроениями части населения, воспитания подрастающего поколения в соответствии с догмами национал-социализма. Необходимо отметить некоторые особенности образовательной политики. Так, наибольший охват подрастающего поколения был осуществлен начальным образованием, в наименьшей степени – основным и лишь в незначительной степени – средним. Однако нестабильность учебного процесса зачастую лишала подрастающее поколение возможности получения даже начального образования. Что касается профессионального образования, оно было направлено почти исключительно на подготовку рабочих кадров. Ввиду этого потенциал интеллигенции был лишен возможности воспроизводства, следовательно, был обречен на постепенное вымирание, что в полной мере соответствовало планам гитлеровского руководства относительно будущего народов СССР. Однако необходимо признать и тот очевидный факт, что, несмотря на различные перекосы, насыщенность нацистской идеологией и нестабильность, школьное образование в период оккупации как таковое было доступным, а школьные программы обеспечивали получение детьми необходимого минимума знаний. Поэтому коллаборационизм в области образования нельзя назвать однозначно вредным, так как меры, приведшие к деформации образовательной системы, были вынужденными и стали, по сути, необходимым условием продолжения функционирования школ и иных учебных заведений за линией фронта.

---

³⁴¹ Там же.

³⁴² Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

³⁴³ См., напр.: Дмитровская газета. 1942. 11 ноября.

§ 3. Здравоохранение и социальное обеспечение

Здравоохранение и социальное обеспечение в условиях оккупации РСФСР стали теми отраслями инфраструктуры, налаживание и обеспечение должного функционирования которых стало следствием осознания оккупантами того, что война с СССР не стала шестинедельным блицкригом. В условиях затяжной войны немецкое командование было поставлено перед необходимостью обеспечения жизненного уровня населения, восстановления существовавшей до оккупации сети учреждений здравоохранения и социального обеспечения.

В структуру городских и районных управ в обязательном порядке входили отделы здравоохранения, иногда в структуру отделов здравоохранения входили ветеринарные подотделы³⁴⁴. Первоначально в их функции входили сохранность больничных зданий, медицинского оборудования, учет кадров медицинских работников. С первой половины 1942 г., после перехода войны и оккупации в долговременную фазу, началось восстановление лечебно-профилактических учреждений по довоенному принципу. Эта задача была возложена на соответствующие органы местного самоуправления, в частности входящие в их структуру отделы здравоохранения. Однако это наталкивалось на значительные затруднения по той причине, что медицинский персонал был в большинстве эвакуирован, на оккупированной территории осталось незначительное количество врачей и средних медработников, в большинстве случаев были вывезены оборудование и медикаменты. Так, из 2627 рабочих и служащих по Почепскому району Орловской области зарегистрированы 1 врач, 14 фельдшеров, 6 акушеров, 2 медсестры³⁴⁵, по Понуровскому району – 5 врачей, 12 фельдшеров, а также 6 ветеринарных фельдшеров, распределенных по трем ветучасткам³⁴⁶. По Торопецкому району Калининской области на 36 624 человека населения, зарегистрированных на начало 1942 г.³⁴⁷, приходились 3 врача, 2 медсестры, 1 фельдшер³⁴⁸. Даже на территории Локотского автономного округа, отличавшегося более отлаженной инфраструктурой, работали 51 врач и 179 медсестер³⁴⁹. То есть один специалист с высшим медицинским образованием приходился более чем на 11 тысяч человек населения округа.

Преодолеть кадровый дефицит не удалось в течение всего периода оккупации. Так, в докладе «Об итогах развития партизанского движения, борьбы партизан с немецкими оккупантами и положении в оккупированных районах Калининской области» от 1 августа 1943 г. констатировалось отсутствие должного количества врачебного персонала. В частности, в каждой больнице работало 2–3 врача³⁵⁰. По штату же на одну больницу или амбулаторию было положено не менее 4 врачей (хирург, терапевт, гинеколог, стоматолог), 8 медсестер, 1 аптекарь³⁵¹. Подобное положение складывалось на других территориях. Так, штат считавшейся одной из образцовых Навлинской районной больницы (Локотской округ) на март 1943 г. включал 2 врачей и 6 медсестер³⁵².

Интересно, что при столь ощутимой нехватке медицинских работников врачи, в отличие от других гражданских коллаборационистов, имели в ряде случаев неоправданно короткий рабочий день. Так, приказ № 87 от 16 июня 1943 г. Клиновского окружного управления уста-

---

³⁴⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

³⁴⁵ Там же. Л. 15.

³⁴⁶ Там же. Д. 15. Л. 143.

³⁴⁷ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

³⁴⁸ Там же. Д. 1. Л. 1 об.

³⁴⁹ Ермолов И. Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 76.

³⁵⁰ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62.

³⁵¹ Там же. Л. 61 об.

³⁵² Речь. 1943. 26 марта.

навливал для врачебного персонала следующую продолжительность рабочего дня: для врачей больниц, врачебных медучастков и лабораторий – 6 часов, для врачей поликлиник и амбулаторий – 5 часов, для врачей, оказывающих помощь на дому, – 7 часов³⁵³. При таком положении неудивительно, что в последние месяцы оккупации того или иного района немало беженцев пыталось выдать себя за врачей, желая устроиться на работу в медицинские учреждения. Отсутствие на руках дипломов эти лица объясняли их утратой в условиях эвакуации. В связи с этим в пределах округов создавались комиссии, в задачи которых входила проверка квалификации лиц, заявлявших себя медицинскими специалистами. Комиссия могла дать разрешение заниматься врачебной или иной медицинской деятельностью³⁵⁴. Иногда медицинские работники, не соответствующие занимаемым должностям, по всей видимости, ввиду отсутствия специального образования, допускались к работе по разрешениям горуправ, при этом исполняли свои обязанности только под контролем врачебного персонала³⁵⁵.

Медицинская помощь была платной. Согласно действовавшему в тыловых районах группы армий «Центр» «Постановлению о введении платы за медицинскую помощь, оказываемую врачами», в сельской местности взималось 5 рублей за однократное посещение врача, оказание помощи фельдшером стоило 3 рубля³⁵⁶. Плата за стационарное лечение составляла 20 рублей в сутки, сюда же входило питание³⁵⁷. Однако при этом отделами здравоохранения часто констатировалось неудовлетворительное питание больных³⁵⁸. Правомерно предположить, что связано это со снабжением больниц по остаточному принципу. Любопытна в этом отношении переписка бургомистра города Торопец и Торопецкого района Калининской области Николаева с немецкой комендатурой. Так, в одном из писем бургомистр просит коменданта отпустить для питания больных льняное масло и какие-либо продукты, так как у больницы нет ничего, кроме ржаной муки³⁵⁹. В другом обращении на имя заведующего отделом снабжения немецких воинских частей бургомистр Николаев пишет: «На снабжении Горуправления состоят больница и столовая для беженцев. Они получали ранее мясные отходы от убоя скота на бойне при военном городке. Несколько дней уже мясных отходов не получаем. Горуправление в критическом положении, будет вынуждено закрыть столовую и прекратить прием больных на лечение в больницу»³⁶⁰.

В ряде тыловых районов группы армий «Север» не было единой системы оплаты. Так, в Кудеверьском районе Калининской области прием у врача стоил 3 рубля, у фельдшера – 2 рубля³⁶¹. В иных районах плата за прием у врача достигала 10 рублей, вызов врача на дом колебался от 20 до 30 рублей, стационарное лечение обходилось в 20 рублей за один койко-день, сюда не входила плата за медикаменты и питание – больные питались своими продуктами, пользовались своим постельным бельем, плата за комиссию составляла 15 рублей³⁶². Плата за медицинскую помощь вносилась в то волостное управление, при котором служил врач или на территории которого находилось медицинское учреждение. Получив плату, волуправление выписывало крестьянину лечебный листок, который представлялся врачу или фельдшеру. Лечебный листок был действителен 3 месяца и лишь для лечения какой-либо одной болезни. Если по истечении этого срока болезнь продолжалась или пациент заболел другой

---

³⁵³ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 56.

³⁵⁴ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 68.

³⁵⁵ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

³⁵⁶ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

³⁵⁷ Там же. Д. 21. Л. 36.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

³⁶⁰ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 46.

³⁶¹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

³⁶² Там же. Оп. 2. Д. 16. Л. 62; Д. 22. Л. 46 об. – 47.

болезнью, следовало оформить новый лечебный листок. Врач или фельдшер в обязательном порядке вносили в лечебный листок, помимо сведений о больном, данные о характере и продолжительности болезни. Лечебные листки являлись документами строгой отчетности, в конце каждого месяца они собирались и возвращались в соответствующее волуправление. Оказание медицинской помощи без лечебного листка наказывалось штрафом до 100 рублей³⁶³. Исключение составляли случаи оказания экстренной медицинской помощи, например при травмах. В этом случае лечебный листок выписывался и представлялся после прохождения курса лечения³⁶⁴. Медикаменты, как для амбулаторных, так и для стационарных больных, отпускались за дополнительную плату. Один порошок стоил 1 рубль, микстура несложная – 8 рублей, микстура сложная – 12 рублей, растирки и примочки – 12 рублей³⁶⁵. По свидетельству жительницы Брасовского района Орловской области Т. Н. Гришаевой, цены, установленные в Суловской волостной больнице, не были обременительны для сельчан, имели скорее символическое значение. В то же время ряд медицинских услуг был труднодоступен для трудящихся, не имевших доходов от приусадебного хозяйства и живших только на зарплату. Интересное заявление подала на имя инспектора в отдел просвещения Брянской горуправы учительница школы № 2: «Я занимаюсь с первым классом. При обучении детей письму и чтению выделение звуков имеет очень серьезное значение. У меня же, благодаря отсутствию переднего зуба, звуки при выделении их получаются неправильными, что плохо отражается на деле. Прошу Вашего ходатайства перед германскими властями, чтобы мне вставили передний зуб»³⁶⁶.

Полностью от платы за медицинскую помощь, в том числе за медикаменты, освобождались бойцы и командиры РОА, служащие органов местного самоуправления, работники полиции³⁶⁷. Лечебные листки выписывались бесплатно также лицам, признанным соответствующим волостным старшиной неимущими, а также находящимся на социальном обеспечении³⁶⁸. На территории Калининской области при несчастных случаях на производстве оплата лечения по ходатайству руководителя соответствующего предприятия могла быть отнесена на счет управы, в непосредственном подчинении которой находилось данное предприятие³⁶⁹. Однако данная система оплаты лечения касалась, очевидно, лишь работников муниципальных предприятий. На территории некоторых округов Центральной России по указанию начальников окружных отделов здравоохранения районные бургомистры могли освободить от оплаты лечения малоимущих³⁷⁰.

Ввиду резкого сокращения числа медицинских учреждений медпомощь в период оккупации была доступна далеко не каждому. Так, в партизанском донесении в Калининский обком ВКП(б), составленном в августе 1943 г., в качестве примера приводится Себежский район, в котором до войны действовало 7 больниц, 17 фельдшерско-акушерских пунктов, 4 роддома. На протяжении оккупации работали лишь больница стационарного типа и амбулатория в городе Себеж³⁷¹. Согласно той же докладной записке, 91 % населения района был лишен возможности получения медпомощи ввиду того, что поездка в город населения, проживающего в деревнях далее 5–7 км от райцентра, влекла опасность ареста по подозрению в связях с партизанами³⁷². Это же косвенно подтверждается относительно небольшим количеством больных, принимае-

---

³⁶³ Там же. Д. 17. Л. 1.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 46 об.

³⁶⁶ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 41. Л. 313.

³⁶⁷ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62, Д. 22. Л. 46 об.

³⁶⁸ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

³⁶⁹ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

³⁷⁰ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

³⁷¹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 46 об.

³⁷² Там же. Л. 47.

мых ежедневно. Так, по Торопецкому району Калининской области, согласно сохранившимся данным, в течение ноября 1941 г. районной больницей принималось от 12 до 15 человек ежедневно, врачебной амбулаторией – 19–35 человек³⁷³.

Подобное ограничение свободы передвижения сохранялось повсеместно. Кроме того, запрещался выход медработников за пределы райцентров³⁷⁴. Вместе с тем горуправы в некоторых случаях пытались разрешить данную проблему, подавая в комендатуры ходатайства о разрешении медработникам круглосуточного хождения по городу для оказания помощи больным³⁷⁵. Однако подобные просьбы, как правило, не удовлетворялись.

Сокращение численности лечебных учреждений также наблюдалось повсеместно. Обычным было положение, когда в пределах района работал один стационар и один-два фельдшерско-акушерских пункта³⁷⁶. Лишь некоторые районы составляли исключение, пополнившись за период оккупации врачебным персоналом. Так, в Торопецком районе Калининской области в течение первых трех месяцев оккупации, к концу 1941 г., помимо районной больницы, открылось шесть сельских медпунктов, причем двумя из них заведовали врачи с высшим образованием, одним – медсестра, тремя – фельдшеры³⁷⁷. Врачебный персонал района на начало оккупации (сентябрь 1941 г.) составлял три врача, однако в течение нескольких месяцев вырос до семи врачей, включив дополнительно санитарного врача при горуправе³⁷⁸, врача-стоматолога³⁷⁹ и двух врачей общего профиля, назначенных заведующими сельскими медпунктами³⁸⁰.

Хранить у себя какие-либо медикаменты, не выписанные врачом, равно как и оказывать медицинскую помощь лицам, не работающим по медицинским специальностям, запрещалось. К виновным принимались репрессивные меры, вплоть до расстрела³⁸¹.

Правомерно предположить, что введение лечебных листов, строгий учет медикаментов, в том числе запрет их хранения и произвольного использования, ограничение свободы передвижения медработников служили не только дополнительным средством учета трудоспособного населения, предупреждения симуляции, а также помогали борьбе с партизанским движением, исключая оказание помощи раненым и больным партизанам.

Местами система здравоохранения страдала от необдуманных действий партизан, рассматривавших работу лечебных учреждений как сотрудничество с оккупантами. Так, согласно отчету бургомистра Мглинского района Клинецкого округа Летаго на окружном совещании бургомистров 16 ноября 1942 г., из трех больниц района партизанами было разгромлено две, спасшийся медперсонал был трудоустроен в сохранившейся больнице Мглина³⁸².

Помимо сокращения численности лечебных учреждений одной из основных проблем здравоохранения периода оккупации был недостаток медикаментов. Больницы и амбулатории получали лекарственные препараты из немецких госпиталей в ограниченном количестве. Ввиду этого больному выдавалось на руки, например, не более шести порошков³⁸³. В тех местностях, где влияние германских властей было ограничено, например на территории Локотского округа, больницы и амбулатории использовали довоенные запасы медикаментов, часто

---

³⁷³ ГАТО. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

³⁷⁴ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62.

³⁷⁵ ГАТО. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

³⁷⁶ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

³⁷⁷ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

³⁷⁸ Там же. Л. 10.

³⁷⁹ Там же. Л. 32 об.

³⁸⁰ Там же. Л. 30.

³⁸¹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

³⁸² ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

³⁸³ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33, Л. 36, Д. 637. Л. 11–11 об.

с истекшим сроком годности³⁸⁴. Ввиду этого медицинские учреждения повсеместно пытались компенсировать нехватку медикаментов более широким применением отваров и настоев из лечебных трав. К их сбору привлекались школьники. В школах Брянска за качественный сбор лекарственных трав школьники, что удивительно, получали вознаграждение не только деньгами, но и водкой и табаком³⁸⁵.

Подобные ограничения в смысле получения медицинской помощи и недостатки сферы здравоохранения порой приводили к большой смертности. В частности, согласно сохранившимся данным по трем оккупированным районам Калининской области, по Погорельскому району за период с 11 октября 1941 г. по 6 августа 1942 г. от болезней умерло 239 человек³⁸⁶, по Тургиновскому району в течение 2,5 месяца оккупации – 72 человека³⁸⁷, по Емельяновскому району за 68 дней оккупации – 85 человек³⁸⁸. Из инфекционных заболеваний наиболее часто проявлялся сыпной тиф, как следствие антисанитарии и недостаточного питания населения. Ввиду недостатка медикаментов основным средством борьбы с тифом было установление карантина³⁸⁹.

Финансирование деятельности медицинских учреждений осуществлялось за счет бюджетов волостных, районных (уездных) и городских управ. С этой целью население облагалось двумя видами налогов: денежным и натуральным (продуктовым). Последний шел на обеспечение питания больных в стационарах³⁹⁰. Интересно, что в ряде районов расходы органов местного самоуправления на здравоохранение были самыми низкими. Так, сохранившийся бюджет Торопецкого района на первый квартал 1942 г. составил 1686 тысяч рублей, содержал шесть статей расходов. Из этой суммы на нужды здравоохранения выделялось всего 24 600 рублей, тогда как на другие отрасли – в десятки раз больше: лесное хозяйство – 823 тысячи рублей, финансовое управление – 385 500 рублей, школы и культурные заведения – 234 300 рублей, общее управление – 126 700 рублей, строительство дорог – 91 400 рублей³⁹¹.

Помимо лечебной работы на отделы здравоохранения возлагалось проведение санитарно-профилактических мероприятий. К ним относилось плановое обследование отдельных групп населения на предмет выявления болезней и проверки профпригодности, проведение различных инструктажей. В частности, в феврале 1943 г. было проведено медицинское обследование школ № 1, № 2, № 3 Брянска, врачом проведен инструктаж классных санитаров, прочитана лекция о личной гигиене³⁹². В период отправки населения РСФСР на работу в Германию врачи-коллаборационисты проводили первичные обследования состояния здоровья отъезжающих. Хотя в архивных фондах отсутствуют исчерпывающие сведения об этом роде деятельности вставших на путь коллаборации медиков, она, по свидетельству лиц, переживших оккупацию, имела место.

Особое отношение у оккупантов было к такой отрасли медицины, как психиатрия. С точки зрения национал-социалистов, умалишенным не только не место среди нормальных людей, но они вообще не имели права на жизнь. В число «неполноценных элементов», подлежащих эвтаназии, помимо психически больных и умственно отсталых, входили лица, страдающие от врожденных дефектов, инвалиды и болеющие более пяти лет. Следовательно, психиатрия, как отрасль медицины, считалась ненужной.

---

³⁸⁴ Ермолов И. Г. Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 77.

³⁸⁵ Черняков Д. И. Указ. соч. С. 84.

³⁸⁶ ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

³⁸⁷ Там же. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

³⁸⁸ Там же. Д. 10. Л. 9.

³⁸⁹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 51 об.

³⁹⁰ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 57.

³⁹¹ ГАБО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.

³⁹² Черняков Д. И. Указ. соч. С. 83.

Практически воплощая эту теорию в Орле, немцы приказали персоналу Орловской психиатрической больницы, расположенной в 7 км от города в селе Кишкинка, освободить больничные здания. Понимая, что это было предвестником ликвидации больничного контингента, медработники обратились к больным, способным соображать: «Если вы хотите, можете идти к своим родным, близким. Спешите, спешите, скорее»³⁹³. Больных, полностью лишенных здравого рассудка и не сумевших поэтому покинуть больницу, немцы заталкивали в машины, везли к деревне Некрасовка, где расстреливали, а трупы сбрасывали в свежевырытую яму. В 1943 г. после освобождения Орловской области из ямы за деревней Некрасовка извлекли 72 трупа в больничной одежде с клеймом «Орловская психбольница»³⁹⁴.

Подверглись уничтожению и пациенты других психиатрических больниц. Так, к приходу оккупантов в Курской психбольнице содержалось 1500 больных. Немецкий комендант Флях и старший гарнизонный врач Керн вызвали врачей этой больницы Краснопольского и Сухарева, приказав немедленно начать умерщвление пациентов. Оставить в живых было разрешено 200–250 больных (очевидно, сохранивших здравый рассудок), которые подлежали стерилизации. Этот же приказ был продублирован заведующим отделом здравоохранения Курской горуправы Кононовым³⁹⁵.

Став директором психбольницы, Краснопольский распорядился не отапливать палаты, в результате больные, неспособные себя обслуживать, замерзали, прекратился и отпуск продуктов питания. От голода и холода умерло 400 больных. 600–650 больных были отравлены ставшими на путь коллаборации врачами Сухаревым, Нестеровой, Котович. Психически больным давалась усиленная доза опия или хлоралгидрата в 70 %-ной концентрации³⁹⁶.

Подобным образом не без помощи врачей-коллаборационистов осенью 1941 г. умерщвлялись пациенты психбольницы № 1 им. Литвинова в поселке Бурашево Калининской области – около 800 человек, в психбольнице им. Кашенко в Гатчине Ленинградской области – около 900 человек, в том числе около 100 женщин. В октябре 1942 г. подвергнуты эвтаназии 210 детей с физическими и психическими отклонениями в санатории Ейска³⁹⁷.

Вывоз трудоспособного населения на работу в Германию также не обходился без участия врачей-коллаборационистов, проводивших первичное медицинское обследование кандидатов на отправку в рейх.

В период оккупации получила определенное развитие система социального обеспечения, деятельность которой также обеспечивалась коллаборационистами, ставшими на путь сотрудничества с оккупантами. Первоначально задачи по решению социальных проблем населения возлагались на должностных лиц сельской администрации – старост, волостных старшин. Так, инструкция, определявшая круг обязанностей указанных должностных лиц, предписывала обеспечивать жителей, потерявших работоспособность в борьбе с партизанами, помимо наград и врачебной помощи, постоянным денежным пособием из фондов сельских общин. Пособие назначалось пожизненно, а в случае смерти обеспечиваемого подлежало выплате его наследникам. Кроме того, данным категориям лиц назначалось продовольственное пособие, они обеспечивались жильем³⁹⁸.

Лица, состоявшие до войны на пенсионном обеспечении, теряли право на пенсию. Однако они приравнивались к нуждающимся, в результате пенсия заменялась пособием, раз-

---

³⁹³ Амиргулова В. И. Указ. соч. С. 98.

³⁹⁴ Там же. С. 99.

³⁹⁵ Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. С. 150–151.

³⁹⁶ Там же. С. 151.

³⁹⁷ Мангазеев И. А. Самоуничтожение от расовой ненависти // Вече Твери. 2009. 27 января. № 9 (4366).

³⁹⁸ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

мер которого определялся исходя из местных условий и материальных возможностей той или иной общины³⁹⁹.

В городской местности для обеспечения нуждающихся организовывались комитеты помощи бедным, в компетенцию которых входило обеспечение населения райцентров и городов районного (уездного) подчинения. В случае если в том или ином уезде ранее было организовано культурное общество, создание комитета помощи бедным не предусматривалось – его задачи выполняло культурное общество⁴⁰⁰.

В задачи комитетов и культурных обществ входило обеспечение нуждающихся продовольствием, доставка нуждающимся топлива, сбор среди населения излишков одежды, предметов домашнего обихода и распределение их среди нуждающихся⁴⁰¹.

По мере формирования городских и районных управ система социального обеспечения приобретала стройную форму, предусматривающую подчинение по вертикали, отчет нижестоящих должностных лиц перед вышестоящими. В некоторых управах создавались соответствующие отделы, в частности, в структуру Орловской городской управы входил отдел государственного страхования и обеспечения⁴⁰², инструкция Главного военного управления Брянского округа от 21 декабря 1942 г. предусматривала создание в составе волостных управлений отделов социального обеспечения⁴⁰³. В тех органах местного самоуправления, где соответствующие отделы не были созданы, функции социального обеспечения распределялись между другими отделами. Так, в управе города Торопец и Торопецкого района Калининской области учет лиц, нуждающихся в социальной помощи, проводил финансовый отдел. С помощью полиции выявлялись престарелые, инвалиды, получавшие пенсию при советской власти, после чего финотдел ставил вопрос о назначении нуждающимся пособий⁴⁰⁴. Претенденты на получение пособий подавали заявления, после чего для их рассмотрения по распоряжению управы создавалась комиссия. Заседания комиссии проходили нерегулярно, по мере накопления заявлений. Просьбы о назначении пособий, как правило, удовлетворялись. Так, 19 декабря 1941 г. рассмотрено 55 заявлений, из них 35 удовлетворено, 19 отклонено⁴⁰⁵. 7 января 1942 г. рассмотрено 85 заявлений, из которых 69 удовлетворено, 16 отклонено⁴⁰⁶. Размер ежемесячных пособий составлял от 50 до 100 рублей⁴⁰⁷.

Любопытно, что в некоторых случаях функции органов социального обеспечения выполняли немецкие комендатуры. Так, одно из распоряжений Торопецкой комендатуры обязывает старост и волостных старшин обеспечить жильем и питанием безработных и стариков, утративших трудоспособность⁴⁰⁸.

В тех районах, где не удалось открыть детские дома, забота о детях, оставшихся без попечения родителей, возлагалась на должностных лиц тех территориальных образований, где ранее проживали родители осиротевшего ребенка. Одновременно на органы местного самоуправления иногда возлагались задачи по предупреждению детской беспризорности, бродяжничества. Сохранилась интересная записка бургомистра города Торопец и Торопецкого района Калининской области Николаева от 6 ноября 1941 г., адресованная старосте деревни Селищево: «В город зашла девочка из деревни Селищево по фамилии Захарова Анна 12 лет добы-

---

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Ермолов И. Г. Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях РСФСР. С. 90.

⁴⁰³ ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

⁴⁰⁴ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 101.

⁴⁰⁵ ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 14. Л. 20–22 об.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 23 об. – 28.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 20–22 об., 23 об. – 28.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 45–45а.

вать хлеб, как безродная. Направляем эту девочку обратно, предлагаем Вам обеспечить ее питанием и жильем. Возможно, что подобного рода дети есть еще. Зарегистрируйте их всех и приютите, не допуская отлучки их в др. местности»⁴⁰⁹.

В ряде районов Калининской области, где содержание «бесприютных» детей было возложено на старост и волостных старшин, продовольственные товары для питания этих детей отпускались бесплатно⁴¹⁰. Однако ассортимент отпускаемых продуктов был узок. Так, в поселке Старая Торопа в свободной продаже было всего четыре вида продуктов: рожь, сливочное и растительное масла, барсучье сало⁴¹¹. Из этих товаров на ребенка отпускалось лишь растительное масло (количество неизвестно) и 8 кг ржи в месяц⁴¹², что было крайне недостаточно для нормального питания.

Таким образом, система здравоохранения в период оккупации, подобно системе образования, эволюционировала от надзора за сохранностью больничных зданий и оборудования до повсеместного налаживания работы медицинских учреждений. Органами местного самоуправления была проделана работа по восстановлению и обеспечению работы медицинских учреждений всех уровней – от фельдшерско-акушерских пунктов до врачебных амбулаторий и стационаров. Однако на фоне кадрового дефицита, недостатка медикаментов, ограничения свободы передвижения квалифицированная медицинская помощь была доступна лишь небольшой части населения оккупированной территории РСФСР. А ввиду отсутствия воспроизводства медицинских кадров система здравоохранения была обречена на постепенное исчезновение. Однако наличие минимальной возможности получения населением медицинской помощи не позволяет оценивать деятельность коллаборационистов в сфере здравоохранения исключительно положительно. При всей гуманности медицинской профессии медики-коллаборационисты использовались в то же время и в целях, отвечающих планам нацистов в отношении населения Советского Союза. К этому относятся мероприятия по уничтожению психически больных, помощь оккупантам в отборе трудоспособного населения для отправки на работу в Германию. А выполнение врачами предписаний по строгому учету пациентов практически исключало оказание медицинской помощи партизанам и советскому подполью. Поэтому работа в сфере здравоохранения в период оккупации пусть не полностью, но в определенной степени является одной из разновидностей коллаборационизма как добровольного сотрудничества с врагом в ущерб интересам своего государства. Что касается сферы социального обеспечения, приходится признать, что созданные на захваченных немцами территориях РСФСР учреждения по социальной поддержке населения являлись частью оккупационной инфраструктуры. Разрешая и поощряя деятельность системы социального обеспечения, оккупанты, что правомерно предположить, были заинтересованы лишь в предупреждении нищенства, бродяжничества, детской и подростковой преступности. Вместе с тем совокупные данные по функционированию учреждений социального обеспечения не позволяют признать их служащих лицами, сотрудничавшими с оккупантами в ущерб интересам СССР. Именно учреждения и меры социального обеспечения помогали снизить смертность детей, престарелых, инвалидов, дав им хоть скудное, но посильное в условиях военного времени содержание и возможность выживания.

---

⁴⁰⁹ Там же. Д. 12. Л. 26.

⁴¹⁰ Там же. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

⁴¹¹ ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 98.

⁴¹² Там же. Л. 31, 187.

§ 4. Обеспечение правопорядка и судебная система

Наиважнейшим органом, обеспечивавшим необходимый оккупантам правопорядок на оккупированной территории, была служба вспомогательной полиции, личный состав которой рекрутировался в основном из местного населения, вставшего на путь коллаборации, а также из советских военнопленных, включая командиров РККА. Несмотря на наличие в распоряжении командующих тыловыми районами германских армий кадровых германских полицейских структур, они не могли достаточно эффективно контролировать захваченную территорию. По крайней мере, в секретном приказе № 42 от 18 ноября 1941 г. за подписью имперского руководителя СС Г. Гиммлера констатировалось, что правоохранительная деятельность, в том числе борьба с партизанами и их пособниками, «может быть осуществлена успешно только гражданскими лицами, знающими местность, характер населения и владеющими языком»⁴¹³

---

⁴¹³ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 5. Л. 16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Газета «Правда» 29 июля 1941 г. в передовой статье «Великая дружба народов СССР» писала: «...когда наша страна вступила в смертельную схватку с разбойничьими ордами Гитлера, весь наш народ един в своей ненависти к германскому фашизму, в своей готовности бороться против него». «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и «пятой колонны», при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребреников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены как на фронте, так и в тылу ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооруженную... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа...» // И. Эренбург 4 ноября 1941 г. писал: «Эта война – не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев» (Эренбург И. Нет тыла // Война. М., 2004. С. 131).

2.

Анищенко Е. Н. Партизанская республика. Тула: Приокское книжное издательство, 1992; Богатырь З. А. В тылу врага. М., 1963; Калинин П. З. Партизанская республика. М., 1964; Он же. Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии // ВИЖ. 1962. № 10; Лобанок В. Е. В боях за Родину. Минск, 1964; Он же. Партизаны принимают бой. М., 1972; Репин Г. Будни особого отдела // Чекисты: Сб. статей / Сост. А. В. Сапаров. Л., 1967; Кравченко И. С., Крючок Р. Р. Подполье в западных областях Белоруссии // Герои подполья: Сб. статей / Сост. В. Е. Быстров. М., 1970; Абрамович И. Е. Шумел сурово брянский лес // За линией фронта: Сб. мемуаров / Под ред. З. Я. Сидельниковой. Тула, 1968; Фирсанов К. Ф. Как ковалась победа // За линией фронта; Котов Л. В. В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: Сб. статей / Сост. В. Е. Быстров. М., 1970; Григоров М. С. Грозовые дни // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В. Ф. Борисов. Тула, 1971; Морозов В. К. Врагу от нас не уйти // Незримого фронта солдаты; Кошелев Н. Н., Лебин Б. Д. За поединком поединок // Военные контрразведчики: Сб. статей / Сост. Ю. В. Селиванов. М., 1978; Слободской Л. Бои с карателями // Псковщина партизанская: Сб. статей / Сост. В. А. Акатов. Л., 1979.

3.

От нем. *der Untermensch* – недочеловек. Следует отметить, что равным образом и советская сторона пропагандировала национальную неполноценность немцев, порой отказывая представителям немецкой нации в праве считаться людьми. Писатель и журналист И. Г. Эренбург в своих статьях, возведенных в догму, называл немцев «дикими животными», «животными в очках», «учеными животными», «дикими зверями», «двуногими скотами», «арийскими скотами», «подсвинками», «бешеными волками», «олухами с рыбьими глазами», «серо-зелеными гадами» и т. д., настойчиво внушая читателю, что «немцы не люди». Причем распространял эти характеристики не только на национал-социалистов, но и на немецкую нацию в целом. См.: Эренбург И. Г. Война: Сб. статей. М., 2005; Красная звезда. 1942. 4 июня, 13 августа. Даже активный представитель советской военной пропаганды В. Гроссман упрекнул Эренбурга в том, что тот не видит разницы между немцами и, с другой стороны, фашистами и гитлеровцами. А шведская газета «Дагпостен» вынуждена была заметить, что «Эренбург держит все рекорды в интеллектуальном садизме». См.: Гофман И. Указ. соч. С. 168.